PROBLÈMES DE LA VIE,
par Th. Strakhoff.

Θ. А. СТРАХОВЪ.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

Письма къ должностнымъ и частнымъ лицамъ о христіанскомъ отношеніи къ жизни.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ

Изданіе „Свободнаго Слова".

№ 83.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1903.

Предлагаемая брошюра является исполненіемъ заказа на спеціально для этой цѣли пожертвованныя средства. *Изд.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1033
53

I.

Письмо къ прокурору.

Савлъ, Савлъ что ты гонишь меня?.... Я Іисусъ, котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна. (Дѣян. IX 4. 5).

Милостивый Государь!

Послѣ оффиціальнаго допроса, который вы мнѣ сдѣлали въ жандармскомъ управленіи въ качествѣ прокурора, мы имѣли съ Вами частную бесѣду, за которой я хотѣлъ высказать Вамъ, какъ человѣку-брату, христіанскія мои убѣжденія, прямо касающіяся нашихъ съ Вами столь внезапно вызванныхъ отношеній. Но къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, тогдашняя бесѣда наша оборвалась, и я былъ лишенъ возможности высказаться передъ Вами до конца. И вотъ теперь, вспоминая ту Вашу готовность, съ которой Вы разговаривали со мной, я обращаюсь къ Вамъ съ просьбой выслушать меня до конца, т. е. прочесть это мое письмо, которое я прямо начну съ повторенія тѣхъ основныхъ пунктовъ, которыхъ мы съ Вами коснулись въ нашемъ частномъ разговорѣ. Намъ пришлось затронуть собственно два существенныхъ пункта.

1) Первый пунктъ состоялъ въ вопросѣ о томъ, что для чего существуетъ: государство ли для людей, или люди для государства, на каковой вопросъ Вы дали совершенно согласный съ моими убѣжденіями и существенный для меня отвѣтъ, что государство существуетъ для людей, а не наоборотъ.

2) Второй важный для меня и для дальнѣйшихъ моихъ выводовъ пунктъ, это Ваше заявленіе о томъ, что ученіе Толстого слишкомъ идеально.

Начну съ перваго положенія: „о назначеніи государства для людей, а не наоборотъ,“ т. е. о служебной роли государства, и сдѣлаю ближайшій отсюда общій выводъ, состоящій въ слѣдующемъ: такъ какъ государство существуетъ для людей,

а не наоборотъ, то слѣдовательно, *разъ люди найдутъ возможнымъ обходиться безъ этой вспомогательной формы общежитія, то могутъ уничтожить ее.* Надѣюсь, противъ такого общаго, кореннаго заключенія Вы ничего не можете имѣть, такъ какъ оно логически вытекаетъ изъ перваго нашего общаго положенія.

Недоумѣнія и пререканія могутъ возникнуть тутъ только на почвѣ обсужденія частностей, а именно при слѣдующихъ чисто внѣшнихъ вопросахъ общественно-юридическаго характера. Во 1-хъ, о томъ, что такое самое государство? Во 2-хъ, перестаютъ-ли, или не перестаютъ люди въ настоящее время нуждаться въ государственной формѣ? Въ 3-хъ, если люди перестаютъ нуждаться въ государствѣ, то сколько ихъ, перестающихъ, или переставшихъ въ немъ нуждаться, — всѣ, большая часть, половина, или меньшая часть?

Въ 4-хъ, если еще не всѣ могутъ обойтись безъ государственной формы, а только меньшинство, половина или даже бо̀льшая часть, то когда именно нужно уничтожить государственную форму, при меньшинствѣ, половинѣ, или большинствѣ въ ней нуждающихся людей?

Въ 5-хъ, кто, какое число людей и при какомъ уровнѣ развитія можетъ рѣшать эти вопросы, и гарантируется ли вообще справедливость извѣстнаго рѣшенія количествомъ рѣшающихъ голосовъ, безъ отношенія къ ихъ качеству?

Въ 6-хъ, въ случаѣ ненужности государственной формы, какой способъ ея отмѣны признать удовлетворительнымъ, насильственный или мирный?

Таковы приблизительно частные, внѣшніе вопросы, могущіе возникнуть на искусственной почвѣ общественно-юридическаго характера. И вотъ, вся цѣль моего письма сводится не къ тому, чтобы обсудить и рѣшить всѣ эти вопросы (предоставляю этотъ сизифовъ трудъ юристамъ), — а къ тому, чтобы, указавъ одной лишь постановкой вышеизложенныхъ вопросовъ всю трудность и даже невозможность ихъ разрѣшенія съ одной внѣшней, политической стороны, предложить единственный, по моему мнѣнію, простой, естественный и вѣрный выходъ изъ лабиринта всѣхъ этихъ запутанныхъ, внѣшнихъ вопросовъ, выходъ, состоящій *во внутреннемъ, личномъ усвоеніи каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ христіанскаго ученія.*

И стоитъ человѣку отказаться отъ попытокъ теоретически разработывать и рѣшать всѣ эти общественные вопросы, а задаться однимъ главнымъ — внутреннимъ вопросомъ о томъ, какъ ему самому можно и должно поступать независимо отъ существующихъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ условій и формъ, какъ тотчасъ же онъ совершенно неожиданно получитъ самое вѣрное разрѣшеніе и всѣхъ перечисленныхъ внѣшнихъ вопросовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, спеціалистъ юридическихъ наукъ можетъ интересоваться вопросомъ о томъ, что такое государство, или вѣрнѣе: чѣмъ должно быть государство, — принудительнымъ или добровольнымъ союзомъ людей. представляетъ ли оно естественный или искусственный продуктъ человѣческой воли и, наконецъ, считать или не считать его одной изъ формъ осуществленія человѣкомъ его высшаго назначенія и т. п. (Теоріи Руссо, Краузе, Аренса и др.), а христіанинъ даже и не ставитъ себѣ задачи опредѣлить, исчерпать самое понятіе государства, а только ставитъ интересующій его существенный, этическій вопросъ о томъ: „чѣмъ, какими свойствами людей вызвана эта форма совмѣстнаго ихъ существованія, — добрыми или порочными, и постольку, поскольку государство вызвано къ существованію прямо добрыми или даже нравственно-безразличными потребностями или свойствами людей и само зиждется на нихъ, постольку христіанинъ признаетъ его и позволяетъ себѣ поддерживать его своимъ участіемъ и, наоборотъ, постольку, поскольку государство вызвано къ существованію порочными, злыми свойствами людей и само зиждется на нихъ, короче говоря, поскольку въ государствѣ фигурируетъ элементъ насилія, постольку христіанинъ отрицаетъ его и не позволяетъ себѣ по мѣрѣ силъ и возможности поддерживать его своимъ участіемъ, — такъ сказать своимъ спросомъ на его услуги и предложеніемъ своихъ собственныхъ услугъ.

Второй вопросъ о томъ, перестали или не перестали люди данной территоріи или народности нуждаться въ данной государственной формѣ, тоже можетъ интересовать только спеціалиста юридическихъ наукъ, такъ какъ онъ и ему подобные люди считаютъ себя призванными измѣнять и совершенствовать формы человѣческихъ общежитій; для христіанина же этотъ вопросъ не представляетъ затрудненія, потому что онъ твердо

знаетъ, что настолько, насколько онъ самъ освободитъ себя отъ тѣхъ пороковъ, которые обусловливаютъ существованіе принудительнаго элемента въ государствѣ, т. е. перестанетъ участвовать въ какомъ бы то ни было насиліи, государственномъ или частномъ, и насколько всѣ окружающіе его сдѣлаютъ, сами ли по себѣ или по его же слову и примѣру, то же самое, настолько же приблизится и то время, когда государственная форма будетъ уничтожена независимо отъ революцій и всякихъ государственныхъ реформъ.

Далѣе, въ 3-хъ, вопросъ о количествѣ людей перестающихъ нуждаться въ государственной формѣ, тоже не существуетъ для христіанина, такъ какъ онъ знаетъ, что смягченіе государственнаго насилія совершается не „сверху“, т. е. не путемъ искусственнаго улучшенія формъ правленія (будто бы независимо отъ ихъ содержанія, т. е. нравственнаго уровня людей, живущихъ въ этихъ формахъ), а „снизу“ т. е. путемъ увеличенія количества людей, исповѣдующихъ христіанство, а въ связи съ этимъ, путемъ повышенія уровня требованій общественнаго мнѣнія, благодаря чему все большее и большее количество людей будутъ переставать нуждаться въ насильственномъ огражденіи себя со стороны государства отъ насилія, а также все менѣе и менѣе сознательно и даже безсознательно будутъ пригодными для участія въ системѣ насилія.

4-ый вопросъ о томъ, когда именно нужно будетъ уничтожить государственную форму, — при меньшинствѣ, половинѣ или большинствѣ въ ней нуждающихся людей, — тоже не можетъ затруднять христіанина, такъ какъ онъ знаетъ, что сила государственнаго насилія обратно пропорціональна силѣ распространяющагося христіанства, и, слѣдовательно, для него не можетъ быть вопроса о времени наступленія того момента, когда нужно будетъ уничтожить государство.

Онъ знаетъ, что насколько онъ нравственно совершененъ, *настолько для него сейчасъ же не существуетъ государства,* и что то же самое и для всѣхъ другихъ людей, даже независимо отъ того, исповѣдуютъ они, или не исповѣдуютъ христіанство сознательно.

5-ый вопросъ о томъ, кто имѣетъ право вмѣшательства въ рѣшеніе государственныхъ вопросовъ, тоже для него рѣшенъ, ибо опять-таки, онъ знаетъ, что любой человѣкъ настолько участвуетъ въ смягченіи какъ частнаго, такъ и

государственнаго насилія, (а слѣдовательно въ этомъ смыслѣ вмѣшивается въ государственныя дѣла), насколько совершенствуетъ себя, а слѣдовательно, благодаря этому словомъ и примѣромъ содѣйствуетъ совершенствованію другихъ.

Участіе христіанина въ измѣненіи государственнаго строя сказывается въ томъ, что онъ дѣлаетъ себя и окружающихъ менѣе и менѣе пригодными орудіями для проявленія насилія какого бы то ни было, частнаго или государственнаго.

6-ой вопросъ — о способѣ уничтоженія государственнаго насилія — тоже разрѣшается для христіанина самъ собою. Разъ вся его дѣятельность сведется къ мирному удержанію себя и другихъ отъ насилія, то, естественно, государственное насиліе, какъ организованная сумма частныхъ насилій, само собой будетъ уменьшаться за отсутствіемъ людей, желающихъ и могущихъ въ немъ участвовать, и въ концѣ концовъ должно свестись на нѣтъ.

Вотъ каково отношеніе христіанина ко всѣмъ поставленнымъ мною внѣшнимъ вопросамъ, вытекающимъ изъ основного нашего положенія о служебной роли государства.

Что же касается вопроса о томъ, свободенъ или не свободенъ христіанинъ отказаться отъ предъявляемыхъ къ нему требованій участія въ насиліи, отъ требованій „санкціонированныхъ“, т. е. грубо обставленныхъ угрозами наказаній и самымъ выполненіемъ этихъ угрозъ, то на этотъ вопросъ отвѣчу Вамъ кратко: *что эта свобода за нимъ вполнѣ обезпечена; христіанина, исповѣдующаго идеалъ полнаго самоотверженія, стращать, запирать и мучить могутъ, но заставить совершить поступокъ, созидающій и поддерживающій строй государственнаго насилія, не могутъ.* И въ этомъ безсиліи государства сдѣлать христіанина своимъ соучастникомъ, пособникомъ и попустителемъ лежитъ залогъ спокойнаго и величаваго торжества христіанства и вѣрнаго и коренного разрушенія государства. Повторяю, свобода христіанина заключается въ свободномъ выборѣ имъ одного изъ двухъ предлагаемыхъ ему выходовъ: безнравственнаго поступка съ одной стороны и уголовной кары за неисполненіе этого поступка съ другой, — въ свободномъ и добровольномъ выборѣ послѣдняго, т. е. уголовной кары.

Слѣдующій вопросъ, одинаково важный для насъ обоихъ, — какъ представителей двухъ взглядовъ: христіанскаго и госу-

дарственнаго, — заключается въ томъ, каково должно быть отношеніе представителя и блюстителя государственныхъ интересовъ къ христіанину? Думаю, что попытка разрѣшить этотъ вопросъ ужъ потому не излишня, что, насколько я могъ замѣтить, государство еще не успѣло выработать болѣе или менѣе опредѣленное отношеніе къ этому вопросу. Его дѣйствія по отношенію къ людямъ моихъ убѣжденій настолько еще шатки и нерѣшительны, всякіе поступки и дѣйствія людей моихъ убѣжденій настолько мало предусмотрѣны государственнымъ закономъ, что люди, до сихъ поръ подвергавшіеся одной со мною участи преслѣдованія, невольно замѣчали въ представителяхъ государственной власти, — а равно и я въ Васъ, — признаки какой-то внутренней борьбы, какъ бы вызванной противорѣчіемъ между внѣшнимъ занимаемымъ ими положеніемъ и какимъ-то внутреннимъ голосомъ, который, хотя и слабо, однако заявляетъ свои требованія. Думаю, что этотъ внутренній голосъ, требованія котораго я не могъ въ васъ не замѣтить, хотя бы на основаніи Вашего истинно христіанскаго стремленія выгородить меня передъ закономъ, имѣетъ свои глубокія, разумныя основанія, о которыхъ мнѣ и хочется поговорить съ Вами.

Какъ Вы уже согласились со мной, не люди существуютъ для государства, а государство для людей. Если такъ, то спрашивается: для чего люди создали государственную форму?

Для взаимнаго огражденія себя отъ частнаго проявленія насилія. Далѣе спрашивается: каково отношеніе государства къ людямъ, проявляющимъ частное насиліе? Отвѣтъ: государство беретъ на себя обязанность противодѣйствовать этому насилію, парализовать его при помощи организованнаго насилія. А стало быть, къ людямъ, не дѣлающимъ насилія и отрицающимъ его въ принципѣ, какъ должно относиться государство, такъ же ли, какъ къ насильникамъ? Казалось бы, нечего объ этомъ и спрашивать у государственныхъ людей, — настолько отвѣтъ ясенъ самъ собой. Однако на практикѣ вопросъ этотъ разрѣшается совсѣмъ не такъ: людей, отрицающихъ насиліе въ принципѣ, государство преслѣдуетъ наравнѣ съ людьми совершающими его.

Попытаюсь выяснить отношеніе государства къ христіанству слѣдующимъ сравненіемъ: представимъ себѣ, что государство — это корабль, пассажиры и экипажъ — это люди, море —

это страсти и заблужденія человѣческія, берегъ, къ которому плыветъ корабль, — это христіанскіе идеалы любви и отсутствія насилія. Цѣль корабля (государства) — это благополучно провести людей черезъ море страстей человѣческихъ къ берегу христіанскаго склада жизни. Представимъ себѣ, что корабль (государство) такъ или иначе настолько близко подвезъ пассажировъ (людей) къ этому берегу, — что нѣкоторые люди (христіане) стали прямо непосредственно высаживаться съ носа корабля (государства) на берегъ, — воплощать въ себѣ и въ ближнихъ своихъ христіанскіе идеалы. Нѣкоторые-же, не видящіе этого берега и не вѣрующіе въ его близость, по-старому продолжаютъ бросаться съ кормы корабля въ море (отдаваться страстямъ — насилію по отношенію другъ къ другу).

Спрашивается, каково должно быть отношеніе экипажа корабля (правительства) къ первымъ и ко вторымъ?

Если не забывать смотрѣть на корабль (государство), какъ на временный и несовершенный суррогатъ суши (христіанскаго склада жизни), — суррогатъ, нужный людямъ только посреди бурнаго моря (страстей), то не естественно ли, что этотъ суррогатъ теряетъ свое назначеніе для тѣхъ изъ людей, которые вышли на ту самую сушу, по направленію къ которой онъ ихъ везъ? И поэтому, не естественно-ли, что его отношеніе къ людямъ, выступающимъ на сушу, должно быть діаметрально противоположнымъ отношенію къ людямъ, бросающимся въ море?

Казалось бы, что объ этомъ и спорить нечего. Однако, на самомъ дѣлѣ происходитъ не то. Люди, выступающіе на берегъ, т. е. опережающіе корабль на пути его плаванія, подвергаются гоненію наравнѣ съ людьми, отстающими отъ корабля. Отчего это? Или отъ простого недоразумѣнія? Или оттого, что государство забыло свои цѣли? *Или же оно имѣетъ иныя цѣли, а только прикидывается, что имѣетъ тѣ, которыя выставляетъ?* Не буду вдаваться въ обсужденіе этихъ вопросовъ, а лучше постараюсь яснѣе высказать Вамъ мою мысль о томъ, что корабль есть дѣйствительно несовершенный суррогатъ суши, отставшій на пути своего плаванія отъ многихъ изъ своихъ пассажировъ, иными словами, что нравственныя требованія христіанства выше нравственныхъ требованій государства и что, слѣдовательно, человѣкъ, подчиняющійся требованіямъ христіанства, — какъ бо̀льшимъ, включающимъ въ себя меньшія, го-

сударственныя требованія, — не можетъ не исполнить и государственныхъ требованій, конечно, постольку, поскольку они не противорѣчатъ требованіямъ христіанства. Сравнимъ уровни тѣхъ и другихъ требованій.

1. И государство, и христіанство *осуждаютъ убійство.* Но государство допускаетъ убійство въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр. на войнѣ, убійство въ видѣ казни за преступленіе, въ видѣ самозащиты, убійство на дуэли, убійство животныхъ для цѣлей вивисекціи, для употребленія въ пищу и даже для забавы.

Христіанство же не только безусловно запрещаетъ всякое убійство для какихъ бы то ни было цѣлей, но даже ставитъ идеалъ любви къ врагамъ.

2. И государство, и христіанство осуждаютъ половой развратъ. Но государство узаконяетъ и поощряетъ бракъ, т. е. половое сожительство одного мужчины съ одной женщиной, причемъ дозволяетъ супругамъ полное удовлетвореніе взаимной ихъ похоти, кромѣ того „терпитъ“ и регламентируетъ такое учрежденіе, какъ дома терпимости.

Христіанство же не только не узаконяетъ брака, но даже прямо выставляетъ противоположный ему идеалъ полнаго цѣломудрія, при которомъ только терпитъ лишь тѣ половыя сношенія между супругами, которыя совершаются для цѣлей дѣторожденія.

3. И государство, и христіанство предписываютъ людямъ говорить правду. Но государство a priori предполагаетъ въ основѣ человѣческой души лживость и поэтому заставляетъ своихъ подданныхъ говорить правду путемъ угрозы и внѣшняго принужденія — т. е. приводитъ ихъ къ присягѣ, посредствомъ которой впередъ связываетъ ихъ волю обѣщаніемъ исполнять требованія людей, называющихъ себя властью, независимо отъ того, будетъ или не будетъ это требованіе противорѣчить волѣ Божьей или совѣсти присягающихъ людей.

Христіанство же, считая всякаго человѣка рожденнымъ свыше, т. е. однороднымъ („единороднымъ“) Отцу Богу, и потому считая душу человѣческую по природѣ доброю и правдивою, безусловно запрещаетъ людямъ клясться самимъ и другихъ заставлять дѣлать это.

4. И государство, и христіанство осуждаютъ насиліе и самоуправство. Но государство запрещаетъ насиліе своимъ под-

даннымъ и дѣлаетъ его исключительно своимъ правомъ ради цѣлей подавленія частныхъ проявленій насилія и самоуправства.

Христіанство же не только запрещаетъ всякое насиліе для всѣхъ людей безъ исключенія, но даже выставляетъ идеалъ полнаго несопротивленія насиліемъ насилію, кто бы ни былъ этотъ насилующій или сопротивляющійся, — идеалъ подставленія ударившему въ одну щеку другой щеки.

5. И государство, и христіанство стремятся къ справедливости во всевозможныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между людьми. Но государство мнитъ водворить эту справедливость самими по себѣ не справедливыми внѣшними путями, — законодательства и судопроизводства съ ихъ единственными санкціями устрашенія и внѣшняго принужденія. И, такъ какъ всѣ эти мѣры не могутъ измѣнить человѣческихъ убѣжденій и хотѣній, то вслѣдствіе этого достигается не искорененіе пороковъ, а лишь взаимное уравновѣшиваніе ихъ другъ другомъ (звѣрства — трусостью, скупости — тщеславіемъ, лѣни — жадностью и т. д.)

Христіанство же, уважая въ подсудимомъ его разумъ и свободу воли, а въ судьѣ, палачѣ, тюремщикѣ, конвойномъ солдатѣ, охраняя чистоту ихъ любви и смиренія отъ соблазновъ насилія, властолюбія, гнѣва и отъ нравственныхъ страданій, вызываемыхъ внутреннимъ противорѣчіемъ между должнымъ и совершаемымъ, запрещаетъ вообще всякое судопроизводство (condemnare, см. латинское евангеліе) и обращается къ судьямъ со словами: „кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый брось камень“ (въ преступницу).

6. И государство, и христіанство стремятся къ миру между народами. Но государство водворяетъ этотъ миръ всякими косвенными средствами, путемъ уравновѣшиванія военныхъ силъ, путемъ устрашенія, даже путемъ покоренія, порабощенія одного народа другимъ, для чего требуется все большее и большее усовершенствованіе наступательныхъ и оборонительныхъ орудій войны и безконечное соревнованіе тѣхъ и другихъ.

Христіанство же, не отдавая предпочтенія никакой народности предъ другой, а главное, не зная и не учреждая никакихъ внѣшнихъ, общественныхъ аггрегатовъ, а имѣя въ виду только человѣческую личность, какъ таковую, тоже стремится къ миру, но даетъ этой личности миръ „не такъ, какъ даетъ его міръ,“ а безусловно запрещаетъ ей всякое насиліе, а слѣдовательно и участіе въ ужаснѣйшемъ ихъ насиліи — войнѣ.

Насколько ясно мнѣ удалось выразить мою мысль о превосходствѣ нравственныхъ требованій христіанства передъ требованіями государства, настолько, надѣюсь, ясно отсюда вытекаетъ тотъ выводъ, что люди государства напрасно гонятъ людей христіанства. Напрасно въ двоякомъ смыслѣ: и въ смыслѣ вышеуказаннаго отсутствія цѣлесообразности гоненія, и въ смыслѣ безрезультатности его по причинѣ тоже вышеуказанной свободы христіанина.

Перехожу къ обсужденію вашего возраженія о томъ, что ученіе Толстого „слишкомъ идеально“ и потому практически неприменимо въ настоящее время. Во 1-хъ, надо помнить, что собственно ученія Толстого нѣтъ, а есть и уже 1900 лѣтъ, какъ открытъ и выраженъ, законъ новаго жизнепониманія, называемый христіанскимъ ученіемъ, законъ, лишь очищенный Толстымъ отъ церковно-государственнаго его лжеистолкованія. И надо строго остерегаться вѣрить на слово той пока численно преобладающей группѣ людей, которые обвиняютъ въ лжеистолкованіи не церковь и государство, а Толстого.

Во 2-хъ, христіанское ученіе есть дѣйствительно идеальное ученіе, но только не въ обычномъ, ругательномъ смыслѣ этого слова, а въ томъ истинномъ его значеніи, что оно воздѣйствуетъ на людей не путемъ механическаго принужденія ихъ къ добру, а путемъ указанія совершенныхъ, живыхъ, т. е. живущихъ въ глубинѣ души каждаго человѣка идеаловъ добра. И вотъ изъ сознанія этихъ идеаловъ болѣе совершенная личность сама свободно выводитъ для себя тѣ практическія нормы жизни, которыя въ данную минуту будутъ руководить ея поступками; менѣе же совершенная, т. е. менѣе чуткая къ воспріятію всего внутренняго и потому болѣе склонная къ усвоенію всего внѣшняго личность, въ силу того стаднаго инстинкта, размѣры котораго всегда бываютъ обратно пропорціональны этой нравственной чуткости, сама собой безъ устрашенія и принужденія всегда подчинялась и подчинится тому строго опредѣленному уровню нравственныхъ требованій, которыя Грибоѣдовъ назвалъ мнѣніемъ княгини Маріи Алексѣевны. Если же кто и спустится ниже того уровня, то развѣ только тотъ исключительный, скорѣе фантастическій, насилующій невинное существо разбойникъ, на

котораго всегда такъ любятъ ссылаться защитники государственнаго насилія. Но вѣдь этого разбойника мы съ вами, можетъ быть, никогда и не встрѣтимъ, а между тѣмъ якобы изъ за него поддерживается то чудовищное зло государственаго насилія, съ которымъ уже не только каждый изъ насъ встрѣчается на каждомъ шагу, но къ поддержанію котораго каждый изъ насъ принуждается. И этотъ то уровень требованій нынѣ дѣйствующаго общественнаго мнѣнія, ниже котораго рѣдко спускаются люди толпы, и есть та самая сила, которая сильнѣе насилія, ибо и насиліе-то обязано ей своимъ существованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ существуетъ то мнѣніе, что хорошо и должно идти въ солдаты, палачи, жандармы, прокуроры, судьи, полицейскіе и т. д., то существуютъ и всѣ эти должности; а перестанетъ существовать такое мнѣніе, и перестанутъ существовать и всѣ эти должности. И вотъ этотъ-то уровень дѣйствующаго общественнаго мнѣнія нѣтъ возможности поднять палліативомъ опирающагося на него насилія, какъ нельзя сидящему человѣку поднять тотъ стулъ, на которомъ онъ самъ сидитъ, а — можно повысить, да и всегда онъ повышался, только однимъ способомъ, а именно воплощеніемъ и высказываніемъ христіанскихъ идеаловъ.

И отрицать эти идеалы якобы на томъ основаніи, что они по своей отдаленности и малой осуществимости скорѣе вызываютъ въ людяхъ отчаяніе и уныніе, нежели бодрость духа и энергію, — по моему, значитъ лишать и вышеуказанныя практическія правила ихъ послѣдняго разумнаго основанія и такимъ образомъ отнимать у нихъ тотъ живой стимулъ, отсутствіе котораго, подобно отсутствію въ математикѣ аксіомъ, изъ которыхъ выводятся теоремы, не только не придастъ людямъ энергію и бодрость, но окончательно превратитъ ихъ въ вьючныхъ животныхъ.

Говорятъ, что палліативъ насилія нуженъ потому, что въ людяхъ еще много животности. Но вѣдь потому-то и не искореняется въ людяхъ животность, что она поддерживается всякими палліативами. Въ родѣ того, какъ говорили бы: нельзя вносить въ теплую комнату съ морозу мебель потому что она еще холодна! Но вѣдь потому мебель и продолжаетъ быть холодной, что ея не вносятъ въ теплое помѣщеніе, а подвергаютъ палліативу выстаиванія на морозѣ. Есть только одно

средство пробить этотъ заколдованный кругъ — это признать пагубнымъ свойство не только государственнаго палліатива насилія, но и всякихъ другихъ палліативовъ, ибо они противорѣчатъ радикальнымъ средствамъ и тѣмъ не менѣе все еще примѣняются въ разныхъ сферахъ жизни, напр. въ медицинѣ. Отрицаніе необходимости для людей идеаловъ еще можно уподобить отрицанію для моряка необходимости путеводной звѣзды или компаса.

Въ 3-хъ, я забылъ обратить ваше вниманіе на слово „слишкомъ“, которое Вы поставили передъ Вашимъ выраженіемъ „идеальное ученіе Толстого“. Признаюсь, это выраженіе не совсѣмъ для меня понятно. Мнѣ кажется, оно содержитъ въ себѣ contradictio in adiecto. Такъ какъ идеалъ по самому существу своему безконеченъ, то сказать „слишкомъ идеальный“ все равно, что сказать слишкомъ безконечный, что, само собой разумѣется, не имѣетъ никакого значенія.

Но, можетъ быть, называя ученіе Христа слишкомъ идеальнымъ, Вы и не хотѣли въ принципѣ отрицать значеніе нравственныхъ идеаловъ, а хотѣли сказать только то, что тѣ люди, которые высаживаются съ корабля на берегъ въ то время, какъ другіе, ихъ ближніе, гибнутъ въ морскихъ волнахъ, поступаютъ несвоевременно, эгоистично, что этимъ людямъ — христіанамъ — надо погодить самимъ выступать на берегъ, *а помочь тонущимъ людямъ выбраться изъ воды.*

Разсмотримъ, какими средствами помощи располагаютъ христіане? Во первыхъ, средствомъ указанія близости берега и, во 2-хъ, доказательства возможности для всѣхъ высадиться на него.

Указаніе близости берега — это та пропаганда христіанскихъ идеаловъ, которую Вы преслѣдуете.

Доказательства возможности высадиться на берегъ — это тѣ единичные и все чаще и чаще повторяющіеся случаи отказа со стороны отдѣльныхъ личностей отъ всякаго насилія и въ томъ числѣ отъ воинской повинности, отъ присяги, отъ судопроизводства, и т. д., за каковые отказы Вы подвергаете ихъ уголовной карѣ.

Только этими двумя средствами спасенія себя и людей и могутъ располагать христіане.

Но Вы требуете еще третьяго средства — вытаскиванія лю-

дей изъ воды, т. е. изъ страстей и заблужденій, посредствомъ насилія, т. е. такого же заблужденія. Допустимъ, что христіанинъ Васъ послушается. Что же изъ этого выйдетъ? Выйдетъ, во 1-хъ, то, что некому и некогда будетъ искать, высказывать и воплощать идеалы. Во 2-хъ, если послушавшійся Васъ и будетъ это дѣлать, т. е. допускать насиліе и въ то же время проповѣдывать идеалы уничтоженія насилія, то съ одной стороны его будутъ за это таскать по жандармскимъ управленіямъ, а съ другой стороны со свѣту сживутъ упреками въ томъ, что онъ говоритъ одно, „а самъ“ дѣлаетъ другое. Въ 3-хъ, такъ называемый христіанинъ будетъ въ недоумѣніи, противъ какихъ людскихъ заблужденій употреблять насиліе, противъ частныхъ или общественныхъ, и, подумавши немного, начнетъ со вторыхъ, какъ болѣе вредныхъ, т. е. неизбѣжно займется той революціонной дѣятельностью, которой Вы боитесь, какъ огня. Но все равно, примкнетъ ли христіанинъ къ революціонной, или къ государственной дѣятельности противленія злу насиліемъ, т. е. поможетъ ли Вамъ, или революціонерамъ, — все равно — онъ будетъ служить не искорененію его; онъ будетъ тушить огонь огнемъ, сушить воду водой и ужъ во всякомъ случаѣ погубитъ христіанство, то христіанство, лучше и радикальнѣе котораго никто не искоренитъ въ людяхъ всякую борьбу и насиліе, кѣмъ бы онѣ ни производились: государствомъ, революціонной партіей, или частными лицами.

Такъ подумайте же, за что вы гоните христіанство, то христіанство, которое незамѣтно для васъ самихъ все болѣе и болѣе просачивается въ Ваши собственныя жилы, заставляя Васъ ощущать то внутреннее противорѣчіе, о которомъ я говорилъ выше, и рано или поздно упразднитъ-таки государственное насиліе, роль котораго Вы сами же признали не господствующею, а служебною.

II.

Письмо къ священнику Г. Петрову по поводу его книги: „Евангеліе какъ основа жизни“.

Будь счастливѣй; силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей.
Некрасовъ.

Никто не вливаетъ вина молодого въ мѣхи ветхіе. Ев. Марка II. 22.

Прочитавъ Вашу книгу „Евангеліе какъ основа жизни“, я увидалъ, что мы съ Вами близкая родня по духу; а съ близкимъ родственникомъ хочется и познакомиться поближе, и поговорить пообстоятельнѣе, а если бы и не такъ, то просто хочется отозваться, откликнуться: „вотъ, молъ, я читалъ твою книгу, дорогой братъ по Христу, и она мнѣ пришлась по душѣ! Спасибо за честныя и вѣрныя мысли, спасибо за добрыя чувства, которыя ты пробудилъ во мнѣ своимъ горячимъ, искреннимъ словомъ!“

Какое, въ самомъ дѣлѣ, великое и могущественное ученіе, это ученіе Христа! Стоитъ только понять его, полюбить его всѣмъ сердцемъ и разумѣніемъ и погрузиться въ него всѣмъ существомъ своимъ — и оно дастъ тебѣ уста и премудрость, которой не возмогутъ противорѣчить, и противостоять всѣ, противящіеся тебѣ; оно сдѣлаетъ тебя неуязвимымъ со стороны любой изъ разсмотрѣнныхъ Вами современныхъ философскихъ, соціальныхъ и нравственныхъ софистическихъ доктринъ.

Но горе намъ, если что-либо помѣшаетъ намъ принять даруемое этимъ ученіемъ царство Божіе съ дѣтскою простотою

и довѣрчивостью, — погрузиться въ это ученіе цѣликомъ, безъ малѣйшаго остатка, могущаго быть уязвимымъ. И вотъ, про этотъ уязвимый остатокъ, про эту ахиллесову пяту, оставшуюся у Васъ не погруженною въ Стиксъ евангельскаго слова, я и хочу съ Вами поговорить.

Почему у Ахиллеса осталась уязвимою только одна пята? Потому что за эту пяту при погруженіи въ Стиксъ его держала его мать. Совершенно подобно Ахиллесу и у Васъ въ Вашихъ сужденіяхъ объ евангеліи, какъ основѣ жизни, осталось уязвимымъ именно то мѣсто (стр. 70, изд. 2-ое), изъ котораго обнаруживается Ваше желаніе во что бы то ни стало сохранить связь съ учрежденіемъ, которое, — вопреки запрещенію Христа называть кого-либо своимъ отцомъ на землѣ или, все равно, матерью, — Вы все-таки считаете чѣмъ то въ родѣ своей матери.

На стр. 70-й Вашей книги Вы сначала совершенно справедливо говорите, что „служеніе царству Божію есть вмѣстѣ съ тѣмъ служеніе Богу;“ что „никакое другое служеніе безъ этого — безъ служенія духомъ и истиною — не угодно Богу;“ что „Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ;“ что „не нужны Ему ни жертвы тучныя, ни дымъ кадильный, ни алтари, сіяющіе золотомъ и драгоцѣнными камнями“, что „не требуетъ Онъ ни поклоновъ, ни паломничества, ни постовъ“.

Далѣе же произносите слова, какъ разъ и представляющія ахиллесову пяту всей Вашей книги. Вотъ эти слова:

> „Если это все (т. е. храмы со всѣмъ въ нихъ совершающимся) и есть у насъ, то *есть и необходимо* для насъ самихъ, какъ средства и обстановка, способствующія выработкѣ и усиленію въ насъ возвышенныхъ благочестивыхъ настроеній.“

Если бы я писалъ Вамъ исключительно, какъ священнику, то не только не вмѣнилъ бы Вамъ послѣднія строки въ недостатокъ, а, наоборотъ, поставилъ бы ихъ въ особенную заслугу, ибо кто же изъ нашихъ священниковъ способенъ на подобное искреннее и смѣлое признаніе, какъ не какъ, а сводящееся къ полному отрицанію храма, какъ мѣста исключительнаго присутствія — жилища Бога?

Но такъ какъ я пишу къ Вамъ прежде всего, какъ къ чело-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ

вѣку — брату по Христу, стараясь проникнуть въ Вашу душу черезъ всякія могущія васъ облекать оболочки, — „футляры,“ по выраженію Чехова, то изъ того чувства расположенія и уваженія къ Вамъ, которое сами же Вы вызвали во мнѣ Вашей книгой, ревную Васъ ко всякимъ „отцамъ“ или „матерямъ,“ благодаря искусственной связи съ которыми Вы принуждены говорить и писать слова, не совсѣмъ согласныя ни съ духомъ евангельскаго ученія, ни съ требованіями Вашего разума.

На вопросъ о томъ, какъ Вы смотрите на храмы со всѣмъ ихъ внѣшнимъ культомъ, Вы отвѣчаете, что они представляютъ для Васъ только хорошія средства и обстановку, способствующія выработкѣ и усиленію въ насъ возвышенныхъ и благочестивыхъ настроеній.

Если бы я спросилъ Васъ далѣе: для чего нужны возвышенныя и благочестивыя настроенія, то Вы бы, конечно, отвѣтили, что они имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а въ свою очередь должны играть служебную роль возбужденія религіознаго чувства.

Такимъ образомъ, по Вашему, выйдетъ, что обстановка способна возбуждать возвышенное настроеніе, а настроеніе — уже самое главное, т. е. религіозное чувство.

Какъ удобно и просто: въ нашемъ распоряженіи получается нѣчто въ родѣ электрическаго звонка, состоящаго изъ кнопки (внѣшней обстановки), проволочки (настроенія) и, наконецъ, самого звонка, (религіознаго чувства). Стоитъ только нажать кнопку — устроить обстановку, „способствующую выработкѣ возвышеннаго настроенія“, и тотчасъ, благодаря посредствующей роли проволоки (возвышеннаго настроенія), зазвенитъ звонокъ (будетъ возбуждено искомое религіозное чувство).

И что же бы Вы думали? Этотъ аппаратъ дѣйствовалъ не только во времена ветхозавѣтныя, но и снова былъ пущенъ въ ходъ учениками Христа чуть не съ самой Его смерти и продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ; и работа его производитъ такую искусную поддѣлку подъ религіозное настроеніе и чувство, что есть и до сихъ поръ люди, наивно вѣрующіе въ его пригодность и цѣлесообразность.

Въ чемъ же однако фальсификація работы этого аппарата?

Да въ томъ, что онъ дѣйствительно способенъ возбуждать въ людяхъ нѣчто въ родѣ религіознаго чувства, а именно ре-

религіозную чувствительность, тотъ религіозный экстазъ, или восторгъ, который, по ученію православной церкви, въ несравненно большей степени могъ, но умышленно не хотѣлъ вызывать въ людяхъ Христосъ при помощи тѣхъ всевозможныхъ знаменій съ неба и чудесъ, которыхъ такъ настойчиво требовали отъ него люди и отъ которыхъ онъ такъ упорно отказывался.

Но въ чемъ же однако разница между тѣмъ, чего добивался Христосъ и что производитъ аппаратъ? Въ томъ, въ чемъ и вообще разница между ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ отношеніемъ людей къ Богу.

Чисто ветхозавѣтные пророки во главѣ съ Моисеемъ требовали отъ Израильскаго народа только одного чувства страха, умиленія, восторга, покорности предъ сверхъестественнымъ существомъ — Іеговой, каковыя чувства имъ нужны были, какъ удобная почва для насажденія тѣхъ своихъ внушеній, которыя они выдавали за волю Божью. Вызывали же они и подогрѣвали эти чувства именно величественной сверхъестественной обстановкой, дѣйствовавшей тѣмъ сильнѣе, чѣмъ невѣжественнѣе были люди. И всю совокупность этихъ чувствъ и настроеній называли религіозными чувствами, настроеніями.

Христосъ же, установившій непосредственную, сыновнюю связь людей съ Богомъ тѣмъ, что назвалъ *любовью* съ одной стороны Бога,*) а съ другой объединяющее всѣ существа міра религіозное чувство желанія блага всему существующему, указывалъ на всевозможные внѣшніе пріемы, — начиная съ обрядовъ омовенія чашъ, скамій и рукъ, пользованія знаменіями и чудесами и кончая точными, формальными опредѣленіями способовъ и мѣстъ поклоненія Богу, — не какъ на средства, пригодныя для возбужденія въ людяхъ вѣры въ ихъ сыновность Богу, т. е. въ концѣ концовъ для торжества всеобщей любви, а какъ разъ наоборотъ, какъ на условія, препятствующія истинному поклоненію Богу въ духѣ и истинѣ.

Поэтому главная забота Христа сводилась не къ выработкѣ внѣшнихъ пріемовъ возбужденія религіознаго чувства (ибо, если бы онъ хоть сколько-нибудь вѣрилъ въ дѣйствительность такихъ,

*) То, что Бога назвалъ любовью, собственно говоря, не Христосъ, а Іоаннъ, не измѣняетъ дѣла, т. к. Іоаннъ не могъ сдѣлать такого важнаго опредѣленія Бога въ книгѣ, излагающей жизнепониманіе Христа, по собственному измышленію.

то завѣщалъ бы намъ хоть одинъ изъ нихъ), а какъ разъ наоборотъ, къ искорененію, отстраненію всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ, постороннихъ элементовъ, какъ въ дѣлѣ религіознаго культа, такъ и внѣшней организаціи жизни, которые тормозятъ духовное совершенствованіе людей.

Противъ трехъ основныхъ бѣдствій людской жизни — лжи, соблазновъ и грѣховъ, за которыми, какъ за тремя покровами, скрыта отъ нашего разумнаго сознанія наша божественная сущность, мы находимъ у Христа три коренныхъ средства:

1) Противъ обмановъ двухъ крайностей — невѣрія и суевѣрія, безбожія и идолопоклонства — онъ рекомендуетъ поклоненіе въ духѣ и истинѣ тому началу міра, къ признанію отцовства котораго приводитъ насъ наше глубокое самопознаніе, открывающее намъ внутри насъ единосущную, однородную этому Отцу, внѣвременную, внѣпространственную и даже внѣпричинную сущность нашей жизни — любовь.

2) Противъ соблазновъ (ловушекъ), представляющихъ суетныя и сложныя попеченія объ устройствѣ земного существованія важнымъ и необходимымъ дѣломъ, онъ предлагаетъ единое всеобъемлющее *дѣло* исканія и осуществленія воли и царства Божія, съ одной стороны обличающее зло темныхъ дѣлъ, мѣшающихъ людямъ идти къ свѣту, и съ другой устраивающее нашу жизнь независимо отъ нашихъ заботъ и попеченій объ ней.

И наконецъ, 3) противъ грѣховъ, дѣлающихъ людей рабами своихъ страстей, рекомендуетъ упорную и послѣдовательную борьбу съ искушеніями, т. е. съ манящей, чарующей насъ силой животной нашей личности, влекущей насъ къ дѣйствіямъ и поступкамъ, парализующимъ требованія противоположной — любящей, духовной нашей природы.

Молиться о торжествѣ перваго блага — *единенія съ Отцомъ* — надъ первымъ бѣдствіемъ — обманами вѣры — Христосъ учитъ такъ:

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое!

О торжествѣ второго блага — *правды царствія Божія* — надъ вторымъ бѣдствіемъ — соблазнами — молиться учитъ такъ:

Да будетъ воля Твоя, да пріидетъ царствіе твое яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Избави насъ отъ лукаваго.

И наконецъ, о торжествѣ третьяго блага — *бодрости и стойкости* — надъ третьимъ бѣдствіемъ — грѣхами — такъ:

Остави намъ долги наша и не введи насъ во искушеніе.

Если хотите, то вѣдь и ветхозавѣтные люди не чужды были тѣхъ возвышенныхъ настроеній, о которыхъ Вы говорите! Да еще какихъ настроеній! Что можетъ быть восторженнѣе того чувства трепетнаго ожиданія возвращенія Моисея изъ за облаковъ пылающаго Хорива! А между тѣмъ какая разница между этимъ полуфантастическимъ, тревожнымъ, полусуевѣрнымъ состояніемъ восторга, опьяненія и тѣмъ свѣтлымъ, спокойнымъ, блаженнымъ и вдохновеннымъ состояніемъ радости совершенной, даруемымъ христіанствомъ въ видѣ награды за осуществленіе внутренняго закона любви къ Богу и ближнему.

Разница между этими двумя состояніями такая же, какая, по мнѣнію Пушкина, существуетъ между восторгомъ и вдохновеніемъ. Обсуждая въ своихъ „Запискахъ“ (т. IV. Замѣтки, стр. 80; изд. Исакова 59 г.) мнѣніе одного критика о вдохновеніи и восторгѣ, А. Пушкинъ говоритъ слѣдующее:

„Критикъ смѣшиваетъ *вдохновеніе* съ *восторгомъ*.

Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно и въ геометріи, какъ и въ поэзіи.

Восторгъ исключаетъ спокойствіе — необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство.“

Изъ того, что вдохновеніе, состояніе радости совершенной даруется христіанствомъ въ видѣ награды за осуществленіе внутренняго закона любви къ Богу и ближнему, выходитъ, что не чувство порождается настроеніемъ, напр. любовь къ Богу и ближнему радостью совершенною, а какъ разъ наоборотъ, настроеніе — чувствомъ: радость совершенная является послѣдствіемъ исполненнаго закона любви къ Богу и ближнему.

Посмотримъ, дѣйствительно ли это такъ по евангелію.

Вѣдь строго говоря и придерживаясь евангелія, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ чувствъ со всѣми ихъ оттѣнками существуетъ только два главныхъ, коренныхъ:

1) Чувство любви къ Богу и ближнему, которое и есть собственно религіозное чувство, и

2) чувство вражды, ненависти или злобы къ тому, что̀ или кого мы считаемъ зломъ или злымъ.

Точно также, строго говоря и тоже придерживаясь евангелія, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ настроеній со всѣми ихъ оттѣнками тоже существуетъ только два главныхъ, коренныхъ настроенія:

1) Веселое, радостное, блаженное или мирное и

2) Грустное, печальное, скорбное настроеніе.

При этомъ въ евангеліи мы не только находимъ строгое разграниченіе двухъ понятій: чувства и настроенія, но и точное указаніе того, что̀ чѣмъ вызывается, а именно, что не чувство вызывается настроеніемъ, а, наоборотъ, настроеніе — чувствомъ, т. е. что данное настроеніе является только какъ результатъ извѣстнаго пережитаго чувства, а отнюдь не причина возникновенія этого послѣдняго. Причемъ только настроенія совершенной радости, блаженства въ истинномъ значеніи этого слова, а также „внутренней скорби“ (Іоаннъ XI, 38) могутъ быть вызываемы, первое — удовлетвореніемъ, второе — неудовлетвореніемъ соотвѣтствующаго возвышеннаго чувства любви къ Богу или ближнему, — могутъ являться результатомъ въ первомъ случаѣ усиленія, а во второмъ ослабленія въ себѣ или въ другихъ любви божеской.

Простая же веселость, простая радость, а равно и простая житейская печаль или огорченіе могутъ быть вызываемы безразлично, какъ добрыми, такъ и злыми чувствами: веселость — въ томъ случаѣ, если то или другое чувство получили свое удовлетвореніе, напр. если доброму человѣку удалось совершить задуманное доброе дѣло, или злому — задуманное злое дѣло, а печаль или огорченіе — въ томъ случаѣ, если то или другое чувство не получили ожидаемаго удовлетворенія, напр., если доброму человѣку не удалось совершить задуманное доброе дѣло, или злому — задуманное злое дѣло.

Какъ же послѣ того, какъ мы обнаружили возможность причинной связи между злымъ чувствомъ и радостнымъ, веселымъ настроеніемъ, вызваннымъ удовлетвореніемъ вышеупомянутаго злого чувства, пользоваться этимъ радостнымъ настроеніемъ, какъ базисомъ, ради построенія на немъ уже не низменнаго злого чувства, а возвышеннаго добраго?

Какъ видите, и изъ евангелія, и изъ здраваго смысла получается выводъ, обратный вашему положенію, состоящій въ томъ, что не чувство есть результатъ настроенія, а настроеніе — результатъ чувства.

Теперь перейдемъ къ вопросу о роли обстановки.

Съ точки зрѣнія матеріалиста, эволюціониста, дарвиниста, конечно, внѣшняя обстановка, напр. природа, не только вліяетъ на настроенія или чувства человѣка, но прямо-таки есть творецъ самого человѣка, ибо является той средой, приспособляясь къ которой совершенствуется все живущее на землѣ, т. к. съ этой точки зрѣнія совершенство организмовъ есть прямой результатъ удачнаго ихъ приспособленія къ внѣшней средѣ.

Съ точки же зрѣнія христіанина, который никоимъ образомъ не можетъ быть матеріалистомъ, внѣшняя обстановка, хотя и вліяетъ на настроенія и чувства человѣческія, однако никоимъ образомъ не является началомъ, ихъ созидающимъ.

Для христіанина не можетъ быть заслугой быть любящимъ въ обстановкѣ любящихъ, а въ обстановкѣ враждующихъ Христіанинъ, по русской пословицѣ: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ“, долженъ остаться любящимъ именно среди невыгодной для развитія любви обстановки; среди же обстановки, выгодной для развитія любви, будетъ любящимъ и язычникъ.

Но въ какомъ смыслѣ внѣшняя обстановка вліяетъ на чувства и настроенія?

Опять-таки не въ томъ смыслѣ, чтобы она могла быть причиной ихъ возникновенія или зарожденія, а только въ томъ, что можетъ быть благопріятной или неблагопріятной средой, — выгоднымъ или невыгоднымъ условіемъ для ихъ проявленія и развитія, — подходящей или неподходящей почвой для произрастанія свыше насажденнаго зерна религіознаго чувства. Причемъ и тутъ я долженъ замѣтить, что сильно выраженное чувство или настроеніе окраситъ въ свои краски, т. е. придастъ свойственный ему колоритъ даже самой невыгодной для его проявленія обстановкѣ.

Такъ, дѣти находятся по большей части въ благопріятномъ для пробужденія активныхъ добрыхъ чувствъ пассивномъ состояніи жизнерадостности, привѣтливости, благоволенія ко всѣмъ окружающимъ ихъ существамъ. И это не потому, чтобы это

состояніе блаженнаго настроенія дѣтей было вызвано извѣстной внѣшней обстановкой; не потому также, чтобы со стороны этой обстановки не оказалось въ данномъ случаѣ препятствій къ проявленію даннаго настроенія; а только потому, что дѣтская невинность, дѣтское невѣдѣніе грязныхъ сторонъ окружающей среды создаетъ вокругъ дѣтей независимую ни отъ какихъ внѣшнихъ обстоятельствъ собственную среду, собственную атмосферу, прозрачную и проницаемую для просвѣта живущаго въ душѣ ребенка божества. Чистое сердце ребенка даетъ ему зрѣть Бога, а это зрѣніе даетъ ему блаженное состояніе жизнерадостности и благоволенія ко всему окружающему.

Если мы возьмемъ влюбленнаго юношу, то и для него, если онъ удовлетворенъ взаимностью, вся окружающая природа, какъ бы она ни была убога, будетъ казаться вторящею его чувству, и наоборотъ, если онъ лишенъ взаимности, окружающая обстановка, хотя бы самая выгодная для развитія чувства влюбленія, будетъ наводить тѣмъ большее уныніе, чѣмъ она сама по себѣ будетъ обаятельнѣе.

Что же касается до чувствъ, то, пожалуй, расшевелить, разбередить, расщекотать внѣшней обстановкой, механическими средствами ихъ можно. Только чувства, возбуждаемыя такими средствами, съ этой внѣшней, нервной стороны, а не со стороны духовной, будутъ не настоящими чувствами, а лишь жалкими поддѣлками подъ чувства, пустоцвѣтомъ чувствъ.

Извѣстно, напримѣръ, что вполнѣ возможно кромѣ естественнаго еще и искусственное возбужденіе такъ называемаго физіологическаго цвѣтового спектра, т. е. что зрительныя ощущенія могутъ быть вызываемы не только нормальнымъ осязаніемъ данныхъ цвѣтовъ, но еще и путемъ ненормальнаго, механическаго, чисто внѣшняго раздраженія зрительнаго органа.

Извѣстно также, что совершенно подобные эксперименты возможны не только по отношенію къ другимъ внѣшнимъ чувствамъ, напр. къ слуховымъ ощущеніямъ, которыя могутъ получаться тоже путемъ чисто внѣшнихъ, механическихъ раздраженій слухового аппарата, — наприм. при раздраженіи этого аппарата кипѣніемъ сѣры въ ухѣ, — но и по отношенію къ такому чувству, какъ чувство состраданія, симпатіи, расположенія. И оно можетъ быть возбуждаемо двумя противоположными способами: внѣшнимъ, посредствомъ раздраженія нервной

системы, напр. малохудожественной пьесой въ театрѣ, авторъ которой прибѣгаетъ, за отсутствіемъ таланта, къ грубымъ физическимъ эффектамъ, и внутреннимъ проникновеніемъ въ чувства человѣка, — зараженіемъ чувства посредствомъ сильно, художественно выраженнаго собственнаго чувства. Причемъ сообразно съ тѣмъ, съ какой стороны — съ внѣшней или внутренней — затронуто чувство человѣка, это чувство получаетъ и соотвѣтствующій оттѣнокъ; такъ что чувство, возбужденное, скорѣе раздраженное, такъ сказать, съ матеріальнаго конца, со стороны нервовъ, уже нельзя назвать чувствомъ, а сентиментальностью (sensiblerie). Человѣка же, болѣе склоннаго возбуждаться съ внѣшней, нервной стороны, нежели съ внутренней, духовной, нельзя уже назвать нравственно или духовно — чуткимъ, а скорѣе — чувствительнымъ, сентиментальнымъ человѣкомъ, способнымъ откликаться не столько на сокровенныя, мало доступныя для него дѣйствительныя чувства своихъ ближнихъ, сколько приходить въ чувствительное, умилительное или восторженное состояніе подъ вліяніемъ внѣшней обстановки, внѣшнихъ воздѣйствій, напр. созерцанія „пухленькихъ“ ручекъ или ножекъ малютокъ, граціозныхъ движеній юныхъ животныхъ, жалобнаго голоса просителей, льстивыхъ увѣреній въ преданности и уваженіи.

Точно также и чувство любви къ Богу, религіозное чувство, только повидимому можетъ быть возбуждено, такъ сказать, съ двухъ концовъ: съ духовнаго и съ матеріальнаго (нервнаго). На самомъ же дѣлѣ дѣйствительно только одно возбужденіе — духовное. Нервное же возбужденіе производитъ не истинное чувство, а поддѣльное. И какъ поддѣльное чувство простой симпатіи, состраданія къ ближнимъ (все равно и къ животнымъ) слѣдуетъ называть уже не чувствомъ, а чувствительностью, сентиментальностью; такъ поддѣльное религіозное чувство, поддѣльное чувство любви къ Богу — ханжествомъ,*) — этимъ пустоцвѣтомъ набожности.

Поддѣлку подъ религіозное чувство при помощи воздѣйствія на внѣшнія чувства еще можно было бы терпѣть въ людяхъ,

*) Здѣсь я долженъ оговориться, что для полнаго состава признаковъ ханжества не обязательно лицемѣріе, т. е. ложь, фарисейство. Я допускаю искреннихъ ханжей, т. е. людей, дѣйствительно не знающихъ глубокаго религіознаго чувства.

если бы они отъ природы были лишены религіознаго чувства. Такая имитація была бы похожа на раздѣлку, напр., подъ орѣхъ дерева низшей цѣнности.

Но такъ какъ людей, совершенно лишенныхъ религіознаго чувства, нѣтъ, а есть люди, въ различной степени свыше одаренные этимъ чувствомъ, скрытымъ въ нихъ подъ перечисленными выше внѣшними наслоеніями, то поддѣлка подъ религіозное чувство при помощи воздѣйствія на внѣшнія чувства ни въ какихъ людяхъ не простительна. Такая поддѣлка похожа на ту же раздѣлку подъ орѣхъ, только не простого дерева, а самого же орѣха, но только не признаннаго за таковой столяромъ благодаря цѣлому слою покрывающей его грязи.

Но какъ задача хорошаго столяра состоитъ не въ томъ, чтобы придавать дереву внѣшній видъ того, что оно есть уже на самомъ дѣлѣ, а именно въ томъ, чтобы обнаружить его качество счисткой постороннихъ наслоеній, такъ и задача Христа состояла не въ томъ, чтобы учить людей чему-либо совсѣмъ имъ незнакомому — чуждому ихъ природѣ (Іоаннъ III. 11), — не въ томъ, чтобы измышлять внѣшнія средства возбужденія религіознаго чувства, напр., при помощи матеріальнаго свидѣтельства „плоти и крови“ (Мѳ. XVI. 17), чужого авторитета, славы людской (Ін. V. VIII 50) или знаменій съ неба, (Маркъ VIII. 11. 12.), или чудесъ (Мѳ. XXIV. 24; Маркъ XIII. 22.), а только въ томъ, чтобы, избавивъ людей какъ отъ существующихъ уже наслоеній, такъ и имѣющихъ появиться впредь, словомъ, избавивъ ихъ отъ тьмы кромѣшнаго, т. е. внѣшняго существованія, привести ихъ къ свѣту разумѣнія своей внутренней божественной сущности.

Если мы уподобимъ чувство пару въ машинѣ (напр. въ паровозѣ), настроеніе — маховику или силѣ инерціи, внѣшнюю же обстановку — гладкому, ровному пути (напр. рельсамъ), то увидимъ, что, во *1-хъ*, какъ въ движеніи или дѣйствіи машины главнымъ двигателемъ является паръ, такъ и въ жизни людей чувство любви; во *2-хъ*, какъ не маховикъ или сила инерціи даетъ силу пару, а паръ сообщаетъ движеніе маховику и развиваетъ силу инерціи, хотя и вращеніе маховика или сила инерціи можетъ подчасъ поддерживать движеніе всей машины и во всякомъ случаѣ регулировать это движеніе, — такъ и въ жизни человѣка не настроеніе порождаетъ чувство, а чувство

— настроеніе, хотя и бодрое настроеніе (заранѣе возбужденное отсутствующей теперь силой) можетъ подчасъ поддерживать жизнь человѣка.

И наконецъ, въ 3-*хъ*, какъ движеніе машины производится не посредствомъ гладкаго пути, не посредствомъ рельсовъ, хотя бы самыхъ исправныхъ, а все же посредствомъ пара, — исправный же путь представляетъ изъ себя лишь хорошее условіе для быстраго движенія поѣзда, — такъ и жизнь человѣка движима не внѣшней обстановкой, — „человѣкъ живъ не хлѣбомъ единымъ“, — а чувствомъ любви къ Богу и ближнему; внѣшняя же обстановка представляетъ изъ себя то или иное, выгодное или невыгодное условіе для дѣйствія главной силы — любви.

Но что такое выгодная или невыгодная обстановка для проявленія и развитія возвышенныхъ чувствъ и настроеній?

1) Прежде всего естественная, недѣланная, живая, а не мертвая и потому имѣющая жизнь въ себѣ, а не символическая, не декоративная. Такова окружающая насъ со всѣхъ сторонъ природа, начиная съ существъ намъ подобныхъ, людей, животныхъ, затѣмъ растеній и кончая минералами и небесными свѣтилами. Сюда же можно отнести и истинное искусство, имѣющее своей цѣлью передачу людямъ живыхъ впечатлѣній бытія.

2) Обстановка, дающая трезвыя, а не опьяняющія разумъ и чувства впечатлѣнія.

Вредъ первой — дѣланной, символической обстановки — въ томъ, что она лишаетъ человѣка возможности живого отклика. Напримѣръ, видъ живого, страдающаго существа внушаетъ здоровое чувство состраданія, имѣющее свой выходъ въ дѣятельной любви. Видъ же одного лишь символа страданія никакого чувства не рождаетъ, а только вызываетъ то, что называется умственнымъ рефлексомъ. Или: примѣръ живого милосердія пробуждаетъ живое чувство милосердія; видъ же символа милосердія тоже не пробуждаетъ живого чувства, а точно также только вызываетъ умственный рефлексъ.

Вредъ же второй — опьяняющей обстановки — тотъ, что она не исполняетъ роли естественной обстановки быть, такъ сказать, прозрачной средой для проявленія возвышеннаго настроенія или высокаго чувства. Она, эта опьяняющая обстановка,

воздѣйствуетъ на чувства, какъ уже было сказано выше, не съ внутренней, духовной стороны, а съ внѣшней — матеріальной, путемъ механическаго раздраженія нервовъ. Результатомъ такого воздѣйствія является не чувство, а поддѣлка подъ чувство — сентиментальность, ханжество. И тогда какъ истинное чувство, напр. — любви къ ближнему, можетъ быть удовлетворено живою дѣятельностью, сентиментальность, ханжество, подобно онанизму, удовлетворяется, такъ сказать, само собою, не нуждаясь въ выходѣ, въ реализаціи. Отсюда и разница въ двухъ сортахъ настроенія. Истинное религіозное чувство, будучи удовлетворено, даетъ настроеніе радости совершенной, мира душевнаго, который въ свою очередь есть благопріятная почва для дальнѣйшаго развитія того же религіознаго чувства. Удовлетворенный же въ самомъ себѣ пустоцвѣтъ религіознаго ханжества даетъ настроеніе внѣшняго самодовольства, внѣшней, фарисейской безупречности — уже во всякомъ случаѣ почву не здоровую для дальнѣйшаго роста религіознаго чувства.

За обстановку, способствующую возвышенному настроенію, Вы считаете храмъ со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ находится и совершается.

Если мы анализируемъ, разложимъ храмъ со всѣмъ въ немъ совершающимся на его составныя части, то увидимъ, что какъ разъ онъ и вліяетъ на людей при помощи тѣхъ отрицательныхъ пріемовъ, о вредѣ которыхъ я только-что упомянулъ.

1) Здѣсь-то и фигурируетъ противоестественная, дѣланная, мертвая, символическая, чисто декоративная обстановка съ ея престолами, жертвенниками, царскими вратами, воздухами, антиминсами, трехперстнымъ сложеніемъ пальцевъ, таинственнымъ превращеніемъ хлѣба и вина въ тѣло и кровь Бога и т. д.

2) Здѣсь-то и преобладаетъ опьяняющее разумъ и чувство грубое воздѣйствіе на внѣшнія чувства, начиная съ особенной архитектуры самого зданія, эффектовъ свѣтовыхъ (свѣчи, лампады, цвѣтныя стекла въ окнахъ), звуковыхъ (хоровое пѣніе, органъ,) обонятельныхъ (куренія, кажденія) и кончая простой гипнотизаціей молящихся посредствомъ звонкаго, монотоннаго, недоступнаго со стороны внутренняго содержанія чтенія церковныхъ книгъ.

Еще за обстановку, способствующую возвышенному настро-

енію, принимаютъ совмѣстную молитву большого собранія вѣрующихъ, называемаго церковью.

А я думаю, что, наоборотъ, совмѣстная молитва есть условіе не возбуждающее, а скорѣе подавляющее истинное религіозное чувство. И вотъ почему:

Если принять то опредѣленіе религіознаго чувства, по которому оно есть не что иное, какъ чувство единства, единенія съ началомъ жизни — Отцомъ, — единенія, столь же необходимаго для поддержки духовной жизни человѣка, сколь необходима ради поддержки физическаго существованія его связь съ физической природой, то поймемъ, что, насколько связь съ окружающими людьми безсильна замѣнить нарушенную со стороны отдѣльнаго человѣка его связь съ физическою природой, — напр., при разстройствѣ органовъ дыханія или пищеваренія, — настолько же, такъ сказать, боковая связь съ церковью не способна замѣнить порванную или совсѣмъ отсутствующую коренную связь съ началомъ жизни — Отцомъ.

Другими словами, единство, связь съ Отцомъ такъ же необходима для каждаго изъ насъ въ отдѣльности, какъ связь каждаго отдѣльнаго дерева въ лѣсу съ почвой.

Но вы скажете, что повышенное настроеніе окружающихъ можетъ сообщиться мнѣ именно благодаря моему присутствію въ собраніи глубоко убѣжденныхъ и глубоко вѣрующихъ людей. Да, можетъ. Но эта передача, это зараженіе, вообще будучи обоюдоострымъ, тутъ, при описанной обстановкѣ, носитъ въ себѣ исключительно отрицательный характеръ.

Если я пойму или почувствую, изъ какого источника заимствовалъ мой ближній свое дѣйствительно высокое настроеніе, — а понять и прочувствовать это лучше всего можно при глубокомъ сосредоточеніи духовныхъ силъ, при самоуглубленіи, требующемъ абсолютнаго уединенія, — то конечно и въ себѣ отыщу тотъ же источникъ, т. е. установлю въ себѣ самостоятельную связь съ Отцомъ, подобную связи съ Нимъ моего ближняго. И такое зараженіе, такъ сказать, утверждающее человѣка на его собственныхъ ногахъ, не только не вредно, но прямо полезно и необходимо. Такое зараженіе должно быть цѣлью и истиннаго искусства.

Если же я не пойму или не почувствую сущности переданнаго мнѣ моимъ ближнимъ добраго настренія, хотя бы по той при-

чинѣ, что и въ ближнемъ будетъ отсутствовать это пониманіе или чувство, благодаря выясненному выше механическому воздѣйствію на него внѣшней обстановки, а также преобладанію въ немъ чувства стадности, то такая передача, такое зараженіе, не только не укрѣпляющее человѣка на его собственныхъ ногахъ, но, наоборотъ, отнимающее у него изъ подъ ногъ почву, будетъ безусловно вреднымъ. Вредъ такого зараженія, *во 1-хъ*, въ томъ, что настроеніе ближняго отзовется во мнѣ только, какъ эхо въ лѣсу, какъ чуждый мнѣ самому отголосокъ, и такъ же, какъ эхо, быстро замретъ во мнѣ, не оставивъ никакого слѣда, *во 2-хъ же*, въ томъ, что это эхо можетъ быть принимаемо мною въ теченіе всей жизни за самый звукъ, — поддѣлка подъ религіозное чувство за самое чувство, — искусственное возбужденіе, періодически подогрѣваемое въ себѣ человѣкомъ такимъ же возбужденіемъ массы людей — за собственное внутреннее побужденіе.

Толпа — всегда толпа. И какъ тѣсно сомкнутая масса людей можетъ въ буквальномъ смыслѣ или приподнять человѣка выше его собственнаго роста, или раздавить его подъ ногами, такъ и тѣсно сплоченное одинаковыми вѣрованіями общество совмѣстно молящихся людей можетъ въ переносномъ смыслѣ или возвысить человѣка выше его собственнаго нравственнаго уровня, но — увы: — только на мгновеніе и притомъ *ослабивъ его собственную нить, связующую его съ Богомъ*, или же принизить до общаго стаднаго уровня.

Если мы за разрѣшеніемъ того же вопроса о значеніи совмѣстной молитвы обратимся теперь къ ученію Христа, то увидимъ, что и Христосъ не только не придавалъ значенія общественнымъ молитвамъ, но окончательно отрицалъ ихъ. Это мы видимъ, *во 1-хъ*, изъ того, что самъ онъ никогда не молился въ храмѣ, а избиралъ мѣстомъ молитвы возвышенныя, уединенныя мѣста; *во 2-хъ*, изъ того, что порицалъ громкія, долгія многословныя молитвы на показъ, *въ 3-хъ*, что въ бесѣдѣ съ самарянкой явно высказался противъ заранѣе опредѣленнаго мѣста поклоненія Богу, требующему не внѣшняго поклоненія посредствомъ жертвоприношеній (по нашему: „богослуженія“), а внутренняго поклоненія въ духѣ и истинѣ, выражающагося въ милости къ людямъ, и наконецъ, *въ 4-хъ*, лучшею обстановкою для молитвы опять-таки считалъ не храмы, въ которые самъ ходилъ

не для молитвы, а для собесѣдованія, а отдѣльную запертую комнату.

Далѣе, и Христосъ, если не въ тѣхъ же словахъ, то все же опредѣлилъ религіозное чувство какъ чувство единенія съ Началомъ жизни, Отцомъ. И если по его мнѣнію никто не можетъ придти къ Отцу, т. е. къ этому чувству единенія съ Отцомъ, если то не дано будетъ самимъ Отцомъ, то неужели можно ждать отъ собранія людей того, въ чемъ намъ будетъ отказано самимъ Отцомъ?

Теперь, что касается этого собранія, — церкви, то у Христа мы находимъ полное отрицаніе этого понятія въ его теперешнемъ значеніи въ словахъ: „гдѣ двое или трое собраны во имя мое, тамъ я посреди нихъ“; ибо при такомъ опредѣленіи церкви, какъ собранія двоихъ или троихъ людей во имя Христа, любое серьезное искреннее собесѣдованіе двоихъ или троихъ, хотя бы отъявленнѣйшихъ еретиковъ, приходится назвать церковью.

Если мы теперь, въ заключеніе ко всему сказанному о религіозномъ чувствѣ и о способахъ его искусственнаго возбужденія, спросимъ себя, что это за чувство, и, главное, какая его роль въ жизни человѣка, то увидимъ, что религіозное чувство не есть одно изъ тѣхъ второстепенныхъ чувствъ, которыя для своего поддержанія и развитія требуютъ награды, поощренія или принужденія, а то высшее и свободнѣйшее изъ чувствъ, которое само есть внутренній источникъ всякаго вознагражденія, поощренія и даже стимулъ для всякаго самопринужденія.

Вотъ почему говорить, что, напр., ребенка надо *заставлять* молиться даже тогда, когда онъ этого не хочетъ, для того чтобы молитва сдѣлалась для него привычнымъ дѣйствіемъ, въ родѣ утренняго одѣванія, умыванія и причесыванія, — значитъ, не понимая значенія и смысла религіи въ жизни человѣка, низводить ее до степени внѣшняго аксессуара жизни.

Вѣдь что-нибудь одно: или любовь къ Богу есть то высшее, свободное чувство, изъ-за котораго человѣкъ можетъ быть готовымъ пожертвовать всѣмъ остальнымъ — имуществомъ, здоровьемъ, внѣшней свободой и даже жизнью, и тогда это чувство явится и поощреніемъ, и наградой, и внутреннимъ принудительнымъ стимуломъ для преодолѣнія всякихъ трудностей и невзгодъ жизни, — или оно само представляетъ изъ себя одну

изъ тѣхъ неизбѣжныхъ трудностей или невзгодъ жизни, преодолѣніе которыхъ въ свою очередь требуетъ поощренія и принужденія, и тогда не только не въ немъ нужно будетъ искать силъ въ борьбѣ со всякими невзгодами, а, наоборотъ, само оно будетъ нуждаться въ поощреніи или принужденіи.

„Если соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? она уже ни къ чему не годна...“ сказалъ Христосъ, уподобляя соли то „малое стадо“ людей, черезъ которое суждено „просолиться“ — возродиться духомъ всему человѣчеству.

Подобно же можно сказать и о религіозномъ чувствѣ. Что, если любовь къ Богу потеряетъ свою силу, вслѣдствіе чего не этотъ внутренній огонь будетъ согрѣвать человѣка на трудномъ поприщѣ его жизни, а самъ будетъ нуждаться въ подогрѣваніи? Чѣмъ, какою внѣшнею обстановкою, какими знаменіями, чудесами, волшебствами или таинствами сдѣлаешь этотъ огонь горячимъ? Такая религія уже ни къ чему не годна.

Или: что, если солнце потеряетъ свою способность согрѣвать и свѣтить? Чѣмъ сдѣлаешь его горячимъ и свѣтлымъ? Неужели отраженною теплотою или отраженнымъ свѣтомъ земли или луны? Оно уже ни къ чему не будетъ годно.

Такъ же ни къ чему не годна и та религія, которая не только не будетъ давать внутренняго импульса жизни, а, наоборотъ, сама будетъ нуждаться въ такомъ импульсѣ извнѣ.

По моему Ваше признаніе необходимости внѣшняго подогрѣванія внутренняго религіознаго чувства есть та единственная оставшаяся уязвимою въ вашей прекрасной книгѣ пята, за которую Вы позволяете держать себя вашей мнимой матери — церкви.

Лишь бы только не тушили люди ниспосланную имъ свыше искру Божію, лишь бы не облекали и не окутывали ее разными чуждыми ей наслоеніями и покровами всякихъ атрибутовъ внѣшняго поклоненія, придуманными людьми яко-бы „ради выработки и усиленія возвышенныхъ и благочестивыхъ настроеній“, и, повѣрьте, подогрѣвать ее разными внѣшними пріемами и ухищреніями не понадобится.

Очищенная отъ всякихъ чуждыхъ ей, препятствующихъ ея разгоранію внѣшнихъ осложненій и наростовъ, освобожденная изъ подъ цѣлой сѣти обмановъ вѣры, соблазновъ и искушеній житейскихъ, она сама, своимъ собственнымъ огнемъ, разго-

рится ярче и горячѣе солнца и согрѣетъ, и просвѣтитъ, и успокоитъ всѣхъ утружденныхъ, обремененныхъ жизнью, насытитъ и напоитъ всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ добра и правды.... Лишь бы только не смущались сердца наши! Лишь бы мы только вѣровали въ Бога, даровавшаго намъ эту искру, и въ ученіе Христа, указавшаго намъ вѣрный способъ освобождать въ себѣ жизнь духа изъ подъ оковъ нашего внѣшняго, кромѣшнаго существованія.

III.

Письмо къ молоканину о вредѣ слѣпого почитанія авторитета библіи.

Дорогой другъ!

Послѣ вашего отъѣзда я сталъ перебирать въ своей памяти все, что мы переговорили съ вами въ теченіе дня вашего пребыванія у меня, и долженъ вамъ признаться, что, къ огорченію моему, разногласіе наше оказалось больше, чѣмъ я ожидалъ. Буду откровеннымъ и скажу прямо, что я думаю о вашей вѣрѣ.

Прежде всего я увидѣлъ, что, несмотря на все ваше уваженіе ко Христу, все главное значеніе котораго сводится къ тому, что онъ указалъ людямъ ихъ духовное происхожденіе отъ Бога, вы не вѣрите въ живущаго въ васъ духа Божія. И что бы вы ни стали мнѣ говорить въ защиту вашей вѣры въ духа, я вамъ не повѣрю въ этомъ до тѣхъ поръ, пока вы не откажетесь отъ вѣры въ авторитетъ чужого человѣка.

Поймите вы, что какъ нельзя служить двумъ господамъ, какъ нельзя вѣрить въ двухъ боговъ, ибо если угодить одному, разгнѣвишь другого, такъ нельзя вѣрить одновременно и въ компетентность (т. е. право взвѣшивать всѣ стороны) своего разума, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрить въ непогрѣшимость сужденія другого человѣка.

Вѣдь, что-нибудь одно, — либо я вѣрю въ свой разумъ, т. е. въ дарованную мнѣ отъ Бога способность взвѣшивать рѣшительно все, судить обо всемъ и благодаря только этому понимать, т. е. вмѣщать въ себѣ доступную для меня долю величія Бога, — ибо посредствомъ чего могъ бы я искать и цѣнить Бога, если бы у меня не было на то ни органа, ни мѣрила, — и тогда все то разумное, что будетъ сказано другими людьми,

тогда только я назову разумнымъ, т. е. пойму, если оно будетъ совпадать съ сужденіями моего разума, хотя бы съ такими, которыя только съ этого момента и возникнутъ во мнѣ впервые, благодаря сужденію другихъ; — либо я не вѣрю въ свой разумъ, т. е. не вѣрю въ то, что Богъ и меня надѣлилъ способностью искать и познавать Его и самолично дѣлать оцѣнку того, насколько другіе люди вѣрно или не вѣрно постигли Бога, и тогда мнѣ придется повѣрить уже не въ свой, а въ чей-нибудь посторонній разумъ.

Въ чей же?

А вотъ, говорятъ, въ разумъ Христа. Но, допустивъ, что я ничего еще ровно не знаю, напримѣръ только-что излѣчился отъ слѣпоты и глухонѣмоты, я долженъ буду дать отвѣты и на другіе вопросы, а именно, — почему я долженъ предпочесть авторитетъ Христа авторитету какого-нибудь другого человѣка, при томъ предположеніи, что я не знаю ни того, ни другого?

Если мнѣ на это скажутъ, что ученіе Христа выдается по своей разумности и истинности, то я сейчасъ же напомню запрещеніе оцѣнивать чужой разумъ своимъ, такъ что чья бы то ни была разумность тутъ будетъ рѣшительно не при чемъ. Если же мнѣ скажутъ, что я долженъ признать Христа потому, что онъ творилъ дѣла и чудеса, недоступныя силамъ другихъ людей, то я на это отвѣчу, что повѣрить въ чудеса Христа, а на основаніи чудесъ въ авторитетъ Христа, жившаго не при мнѣ, значитъ повѣрить не самимъ чудесамъ, а словамъ и авторитету тѣхъ людей, которые разсказываютъ мнѣ о чудесахъ и авторитетѣ Христа. А вѣрить этимъ людямъ больше, чѣмъ Христу, т. е. самого Христа провѣрять свидѣтельскими показаніями не самихъ очевидцевъ чудесъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ, а людей, совершенно отдаленныхъ отъ Христа по времени, неосновательно хотя бы потому, что разсказъ о самомъ необыкновенномъ событіи или чудѣ легко можетъ быть придуманъ даже самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, тогда какъ ученіе, необыкновенное по своей нравственной высотѣ и премудрости, не только не можетъ быть придумано обыкновеннымъ человѣкомъ, но даже съ трудомъ можетъ быть усвоено и пересказано имъ другимъ людямъ не въ искаженномъ видѣ. Вотъ почему такъ важно собственнымъ разумомъ вникать въ смыслъ

всѣхъ свѣдѣній, дошедшихъ до насъ о Христѣ, да и вообще о всѣхъ учителяхъ человѣчества, — важно потому, что въ противномъ случаѣ, т. е. если мы примемъ буквальный смыслъ этихъ свѣдѣній, мы рискуемъ принять уже не Христово ученіе, а сочиненія пересказчиковъ, переводчиковъ, переписчиковъ и перетолкователей евангелія.

Наконецъ, если мнѣ скажутъ, что авторитетъ Христа подтверждается не самимъ Христомъ, и не чудесами его, а пророками, задолго до него предсказывавшими его жизнь и смерть, то опять-таки то же самое я скажу и о пророкахъ. Я спрошу: чѣмъ заслужили пророки мое довѣріе къ тому, что̀ они говорятъ или пишутъ, опять напоминая вамъ, что оцѣнка моего разума тутъ не при чемъ.

Вы лично мнѣ сказали на это, что справедливость пророческихъ предсказаній провѣрена тѣмъ, что предсказанія эти сбылись. А если я не повѣрю тому, что были о Христѣ пророческія предсказанія, а скажу, что люди, жившіе уже при Христѣ, написали заднимъ числомъ все то, что мы считаемъ предсказаніями, то чѣмъ вы мнѣ докажете, что это были не подложные документы, а дѣйствительные?

Но, положимъ, что вамъ удалось мнѣ доказать, что древнія пророчества о Христѣ были дѣйствительныя предсказанія, что̀ однако ничуть не помѣшало евреямъ ошибиться въ опредѣленіи личности Христа и распять Христа. Изъ этого я долженъ сдѣлать то заключеніе, что справедливость того, что говоритъ человѣкъ, я долженъ провѣрять не собственнымъ разумомъ, а тѣмъ, есть ли или нѣтъ у него даръ прозрѣнія. Если есть, — что̀ я долженъ сейчасъ же провѣрить, заставивъ его угадать что-либо, — то *долженъ принять* рѣшительно все, что бы онъ ни сказалъ мнѣ, — даже то, что представляется моему разуму безсмыслицей,*) ложью, заблужденіемъ, даже хулой на св. Духа, — что вы и дѣлаете, признавая божественными или согласными съ волей Божьей всѣ ужасы звѣрства и разврата, описываемые въ книгѣ ветхаго завѣта. А если нѣтъ у даннаго человѣка дара прозрѣнія, то что̀ бы онъ ни говорилъ, хотя бы „языками ангельскими“, хотя бы имѣлъ „всякое познаніе“ и „всю вѣру“

*) Напр. такъ называемое чудо Христа, позволяющаго бѣсамъ войти въ свиное стадо.

хотя бы имѣлъ все совершенство любви, то я *долженъ* все сказанное имъ *отвергнуть* какъ ложь, какъ хулу на св. Духа, — что вы и дѣлаете, отвергая даже такіе апокрифическіе тексты евангелія, мудрость которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Ну можете ли вы сказать послѣ этого, положа руку на сердце, что дѣйствительно, какъ говоритъ ап. Павелъ (II посл. къ Кор. III. 6), имѣете способность быть служителями новаго завѣта, т. е. быть служителями не буквы, но духа, потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ*)?

Все, что я написалъ здѣсь, дорогой братъ, есть не что иное, какъ обращеніе къ вашему разуму. И если вы вѣрите въ свою сыновность Богу и въ то, что Богъ какъ бы отрѣшился отъ суда, а предоставилъ весь судъ сыну, (Іоаннъ V. 22), то обсудите, какъ сынъ, разумность того, что я сказалъ вамъ, и, обсудивши, поймете, что дѣйствительно нельзя одновременно довѣрять и собственному разуму, и чужому авторитету, ибо бываютъ же случаи, когда чужой авторитетъ противорѣчитъ собственному разуму; если же не вѣрите въ право судить самолично, то откажетесь отъ обсужденія справедливости моихъ словъ на томъ важномъ для васъ основаніи, что чудесъ я не творю, пророчествовать не умѣю, да и обо мнѣ никто не пророчилъ.

Но сколько бы вы ни отрекались отъ своего разума, отрече-

---

*) Если вы сошлетесь на предшествующій 5-й стихъ, въ которомъ Павелъ не считаетъ человѣка способнымъ что-либо мыслить отъ себя, но говоритъ, что эта способность мышленія — отъ Бога, то не только не возражу вамъ ничего противъ этого, но еще подтвержу эту мысль словами Христа, который то же самое сказалъ и относительно себя, а именно, что и онъ ничего не говоритъ отъ себя, а только отъ имени Пославшаго (Іоаннъ V. 19.) Однако такая несамостоятельность не помѣшаетъ намъ „ходить“ при свѣтѣ нашего разумѣнія, какъ не помѣшала и Христу: ибо какъ Христово разумѣніе, будучи единымъ съ разумѣніемъ Отца, не помѣшало, а помогло ему быть полнымъ благодати и истины, такъ и наше разумѣніе, также будучи единымъ съ разумѣніемъ Отца, не можетъ помѣшать, а еще поможетъ намъ въ дѣлѣ обрѣтенія благодати и истины, такъ какъ мы всѣ, вмѣстѣ съ Христомъ и съ ближайшими учениками его, — „едино, какъ мы въ Отцѣ, такъ и онъ въ насъ.“

ніе ваше не будетъ дѣйствительнымъ, ибо все же вы будете пользоваться имъ и жить по его предписаніямъ, а не по требованіямъ чужого авторитета, съ тѣмъ однако различіемъ отъ человѣка, признающаго свой разумъ, что *онъ* будетъ совершенствовать свой разумъ, провѣряя имъ чужой разумъ, и, наоборотъ, свой разумъ чужимъ и тѣмъ оправдаетъ на дѣлѣ слова Христа о томъ, что не зарывшему свой талантъ, еще дастся и пріумножится; вы же, отрицающіе свой разумъ, потеряете и тотъ, который у васъ былъ, по словамъ Христа, что отъ зарывшаго отнимется и то, что онъ имѣетъ. Такъ что поступками вашими будетъ управлять уже не разумъ вашъ, который отнимется отъ васъ, и не чужой авторитетъ, который, что бы вы ни говорили, не можетъ быть дорогъ для васъ безъ оцѣнки вашего разума и сердца, ибо „гдѣ сокровище, тамъ и сердце ваше“, а то, что останется у васъ послѣ потери вашего разума. Что же у васъ останется? Слѣпыя влеченія похотей вашихъ и инстинктовъ вашего самосохраненія, что и бросается въ глаза при наблюденіи жизни всѣхъ людей, промѣнявшихъ духъ христіанства на „букву“, ибо никто не привязывается такъ сильно всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ своимъ къ бреннымъ благамъ міра сего, какъ эти люди. Долженъ сказать вамъ откровенно, что, къ сожалѣнію, такихъ людей не мало и среди вашихъ единовѣрцевъ.

На томъ бы слѣдовало мнѣ и покончить мое письмо къ вамъ, впередъ зная, что не впустите вы меня въ ту главную дверь собственнаго разумѣнія, черезъ которую сами себѣ ходить не позволяете. Но такъ какъ я знаю, что есть у васъ еще другая, — открытая дверь, черезъ которую пускаете къ себѣ человѣческія мысли, при томъ условіи, если онѣ будутъ облечены въ форму тѣхъ или иныхъ пророческихъ изреченій, то попытаюсь войти къ вамъ хотя бы въ эту второстепенную, по моему понятію, дверь, прибѣгнувъ къ подтвержденію всего высказаннаго здѣсь мною текстами авторитетнаго для васъ священнаго писанія.

Начну съ книги о томъ человѣкѣ, именемъ котораго вы называете свою вѣру, т. е. съ евангелія, и постараюсь напомнить вамъ смыслъ тѣхъ текстовъ изъ евангелія, въ которыхъ Христосъ высказывается за полную автономію человѣческаго разума, т. е. за право и свободу человѣка принимать и усваивать,

а слѣдовательно и быть отвѣтственнымъ только за то, что доступно силамъ его разумѣнія и выполненія.

Въ доказательство того, какое огромное и первостепенное значеніе приписывается въ евангеліи вообще *разумѣнію*, „слову“, т. е. внутреннему пониманію истины, привожу вступительныя слова евангелиста Іоанна:

Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν
πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Θεὸς ἦν ὁ λόγος.

Какой бы мы ни приняли переводъ этихъ словъ, церковный ли:

„Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога и *слово было Богъ*“, —

или болѣе правильный, по моему, переводъ Л. Н. Толстого:

„Въ основу всего (ἐν ἀρχῇ) стало (ἦν) разумѣніе (ὁ λόγος), и разумѣніе стало вмѣсто (πρὸς) Бога, и Богъ сталъ (ἦν) *разумѣніемъ*“, —

изъ того и другого перевода мы не можемъ не видѣть, что самъ Богъ называется „словомъ“, разумѣніемъ, изъ чего слѣдуетъ, что и постигать, т. е. разумѣть Его, человѣкъ можетъ не иначе, какъ черезъ свое разумѣніе, подобно тому, какъ, будучи любовью, по другому опредѣленію того же евангелиста (I посланіе Іоанна IV. 8), Богъ не можетъ быть доступенъ для какого-либо иного чувства человѣка, кромѣ чувства — и притомъ собственнаго, а не чужого чувства — любви, не можетъ быть любимъ ничѣмъ инымъ, какъ любовью.

Если мы вникнемъ въ слова самого Христа, то увидимъ, что и онъ не хотѣлъ, чтобы люди приняли его ученіе косвеннымъ путемъ, въ силу одного только довѣрія къ людскому мнѣнію (славѣ), или даже къ авторитету пророческихъ о немъ предсказаній, а хотѣлъ, чтобы шли къ нему, самостоятельно вникая въ суть его ученія и тѣхъ дѣлъ любви и самоотверженія, которыя онъ творилъ.

Разъ зимой, когда Іисусъ прохаживался въ притворѣ храма Соломонова, обступили его Іудеи и сказали ему: долго ли тебѣ держать насъ въ недоумѣніи? Если ты Христосъ, скажи намъ „*прямо*“ (Ев. Іоанна X. 22 — 27).

Какъ понимать требованіе Іудеевъ, чтобы Христосъ сказалъ имъ о себѣ *прямо*? Какое указаніе будетъ для нихъ *прямымъ* и какое *непрямымъ*, т. е. косвеннымъ? Какъ разъ противоположное пониманію Христа.

Христосъ хотѣлъ, чтобы Іудеи „по самимъ себѣ судили, чему быть надлежитъ“ (Лука XII. 57), а не требовали внѣшнихъ доказательствъ; чтобы сами въ своихъ душахъ нашли сродство съ духомъ его ученія, чтобы также сроднились съ голосомъ его призыва, какъ сроднились овцы съ голосомъ своего пастуха, и лишь такое внутреннее указаніе и считалъ *прямымъ указаніемъ*, ставя его неизмѣримо выше свидѣтельства „плоти и крови“ (Мѳ. XVI. 17), выше людского мнѣнія, „славы людской“ (Іоаннъ V, 41; VIII. 50), даже выше „знаменій съ неба“ (Маркъ VIII. 11. 12), ибо не эти внѣшніе знаки считалъ достовѣрными, а лишь откровеніе Отца небеснаго (Мѳ. XVI. 17).

Іудеи же, какъ разъ наоборотъ, только того и добивались, чтобы Христосъ не затруднялъ ихъ своими требованіями самоуглубленія, чтобы избавилъ ихъ отъ необходимости самостоятельно вслушиваться въ голосъ его призыва — и такое свидѣтельство о Христѣ считали косвеннымъ — не прямымъ; требовали же отъ Христа только одного, чтобы онъ подтвердилъ свои полномочія авторитетомъ пророческихъ предсказаній, — и только такое свидѣтельство и считали прямымъ и достаточнымъ для принятія авторитета его ученія.

Христосъ не могъ не знать, что стоитъ ему только сказать, что онъ есть тотъ самый Мессія, появленія котораго такъ ждали Іудеи, и Іудеи пошли бы за нимъ, увѣровали бы въ него тотчасъ же. Но потому-то и не говорилъ этого, что ему было обидно за ту невѣжественность, за ту стадность и косность людскую, которая мѣшала тогда, да и теперь мѣшаетъ людямъ прозрѣть собственными духовными очами и перестать ходить на поводу*) у другихъ, подобныхъ себѣ слѣпыхъ, вождей.

Христосъ потому еще не хотѣлъ привлечь къ себѣ людей при помощи этого нужнаго для нихъ, а не для него, внѣшняго удостовѣренія своей личности, что не видѣлъ возможности сдѣлать людей свободными такимъ грубымъ, дешевымъ способомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы они сами, такъ же, какъ онъ, познали отъ Отца истину и такъ же, какъ онъ, сдѣлались свободными и близкими къ Отцу своему, — вотъ почему онъ и не называетъ учениковъ своихъ рабами, а друзьями своими, ибо сказалъ имъ все, что самъ слышалъ отъ Отца своего

*) См. кн. прор. Іереміи, гл. XXXI. 31 — 34.

(Іоаннъ XV. 15); вотъ почему и толкуетъ Никодиму о необходимости рожденія свыше (Іоаннъ III. 3); вотъ почему и не допускаетъ посредничества между Богомъ и людьми ни въ смыслѣ наставничества, ни въ смыслѣ протекціи, заступничества или ходатайства избранныхъ людей передъ Богомъ, говоря ученикамъ своимъ: „не называйтесь наставниками (Мѳ. XXIII. 10), а также: „не буду просить Отца о васъ, ибо самъ Отецъ любитъ васъ“ (Іоаннъ XVI. 26. 27); вотъ почему въ одномъ мѣстѣ евангелія съ негодованіемъ отвергаетъ просьбу о дарованіи знаменій съ неба, какъ доказательства своей сыновности Богу, а въ другомъ мѣстѣ словами: „возстанутъ лжехристы и лжепророки и дадутъ великія знаменія и чудеса“ (Мѳ. XXIV. 24; Маркъ XIII. 22)* прямо учитъ людей не смотрѣть на чудо, какъ на признакъ, опредѣляющій истинность того, что говоритъ или сдѣлаетъ чудотворецъ. Такъ что и такое напр. чудо, какъ воскрешеніе Лазаря, не имѣетъ никакого значенія, ни какъ доказательство истинности ученія Христа, ни какъ средство предостереженія людей отъ грѣховъ, ибо, по словамъ Христа, люди, не вѣрящіе пророкамъ, если кто и изъ мертвыхъ воскреснетъ, не повѣрятъ (Лук. XVI. 31).

И вотъ почему, наконецъ, онъ и радуется, что самое главное въ жизни доступно скорѣе младенцамъ, не могущимъ ни знать, ни понимать никакихъ знаменій, чудесъ и пророчествъ, чѣмъ мудрецамъ, вытвердившимъ на зубокъ всѣ тексты Библіи (Мѳ. XI. 25. 26).

А Іудеи, хотя и слушали ушами своими слова эти, но не слышали и не разумѣли смысла ихъ (Мѳ. XIII. 15), не могли подняться до высоты требованія Христа; не могли усвоить всей важности значенія и словъ Христа о томъ, что царство Божіе усиліемъ берется (Мѳ. XI. 12), а хотѣли взять это Божіе царство даже съ меньшими усиліями, чѣмъ берется царство человѣческое, а именно хотѣли найти такого человѣка, который бы, оставивъ въ полной неприкосновенности старыя формы (мѣхи) ихъ жизни вмѣстѣ съ старымъ ихъ содержаніемъ (виномъ), мало того, что обдумалъ бы за нихъ всѣ вопросы жизни, въ въ чемъ они, впрочемъ, не особенно нуждаются, но главное,

*) Приблизительно ту же мысль мы находимъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ, см. Второзаконіе, гл. XIII. I — 5.

чтобы, снявъ съ нихъ, взялъ бы на себя всю тяжесть послѣдствій ихъ ошибокъ и страстей, т. е. понесъ бы на себѣ одномъ тотъ крестъ ихъ жизни, который, по словамъ Христа, каждый человѣкъ долженъ добровольно нести на себѣ самъ.

Другими словами, — и говоря уже не объ Іудеяхъ, а вообще о большинствѣ людей — люди хотятъ преподанную имъ Христомъ его собственную вѣру въ Бога, обѣщавшую имъ вмѣстѣ съ новымъ смысломъ — новымъ содержаніемъ (виномъ) — и новыя формы (мѣхи) жизни, но показавшуюся имъ слишкомъ трудной по ея требованіямъ нравственныхъ усилій и коренной ломки жизни, — замѣнить суевѣріемъ т. е. внѣшней вѣрой въ самого Христа, который, въ уплату за слѣпое довѣріе къ его всемогуществу и дарованный ему божескій титулъ, сверхъестественной силой искупилъ бы ихъ прошлые, настоящіе и даже будущіе грѣхи, т. е. освободилъ бы людей отъ исполненія тѣхъ самыхъ нравственныхъ законовъ жизни, которые онъ, мало того, что самъ же открывалъ, выполнялъ и высказывалъ, но и считалъ ихъ болѣе обязательными и ненарушимыми, чѣмъ законы космическіе, говоря: „небо и земля прейдутъ, но слова мои не прейдутъ, пока не будутъ исполнены (Мѳ. XXIV. 35. V. 18.).

Ну скажите теперь, чѣмъ отличаются люди, утверждающіе истинность Христова ученія только на внѣшнемъ свидѣтельствѣ пророческихъ о немъ предсказаній, отъ тѣхъ Іудеевъ, которые требовали отъ Христа „прямого“, а не „косвеннаго“, какъ они понимали, свидѣтельства о себѣ.

Я думаю, что ничѣмъ.

И если вы мнѣ скажете, что главное отличіе этихъ людей отъ Іудеевъ въ томъ, что Іудеи распяли Христа, а эти люди нѣтъ, то я вамъ на это скажу, что и на этихъ людяхъ сбываются слова Христа о томъ, что одни избиваютъ пророковъ, а другіе, ихъ потомки, строятъ этимъ пророкамъ гробницы; и это потому, что Іудеи распяли *тѣло* Христа, а эти люди — *духъ* его ученія, такъ что не только тѣмъ самымъ строятъ гробницы и плащаницы для тѣла Христа, а и гробницы для духа его ученія, для того духа, хулу на котораго Христосъ считалъ непростительнымъ грѣхомъ.

Возвращаясь теперь къ тому мѣсту моего письма, гдѣ я началъ говорить объ автономіи человѣческаго разума, и въ связи съ этимъ о степени нравственной отвѣтственности чело-

вѣка, спрошу васъ, могъ ли Христосъ требовать отъ человѣка отвѣтственности за неисполненіе такихъ заповѣдей, смыслъ которыхъ не понятъ имъ, если даже мы, простые смертные, считаемъ несправедливымъ предъявлять подобныя требованія къ нашимъ ближнимъ, друзьямъ или родственникамъ? „Кольми паче“ же Отецъ нашъ небесный справедливѣе насъ? Если же вы, будучи послѣдовательнымъ, и тутъ откажетесь дать мнѣ отвѣтъ на основаніи вашего здраваго смысла, то я подкрѣплю эту мысль соотвѣтствующимъ текстомъ. Въ притчѣ о талантахъ Христосъ высказываетъ ту мысль, что отвѣтственность человѣка прямо пропорціональна величинѣ его таланта, т. е. силамъ (Мѳ. XXV. 15); а въ другомъ мѣстѣ прямо говоритъ: „если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы на себѣ грѣха....“ (Іоаннъ IX. 41).

Возвращаюсь снова къ текстамъ библіи и, напомнивъ вамъ уже приведенныя здѣсь слова ваши о томъ, что справедливость пророческихъ предсказаній объ истинности Христова ученія провѣрена тѣмъ, что предсказанія эти сбылись, прямо указываю такіе тексты изъ библіи, смыслъ которыхъ покажетъ вамъ, дѣйствительно ли даръ прозрѣнія заслуживаетъ того значенія, которое вы ему приписываете.

Открываю XVI гл. Дѣяній апостоловъ и выписываю 16, 17, 18 и 19 стихи.

„Случилось, что, когда мы (т. е. Павелъ, Сила и другіе христіане) шли въ молитвенный домъ, встрѣтилась намъ одна служанка, одержимая духомъ прорицательнымъ, которая чрезъ прорицаніе доставляла большой доходъ господамъ своимъ. Идя за Павломъ и за нами, она кричала, говоря: *сіи человѣки рабы Бога Всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія.* Это она дѣлала много дней. Павелъ, вознегодовавъ, обратился и сказалъ духу: именемъ Іисуса Христа повелѣваю тебѣ выйти изъ нея. И духъ вышелъ въ тотъ же часъ. Тогда господа ея, видя, что исчезла надежда дохода ихъ, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь къ начальникамъ“..., которые заключили ихъ за это въ тюрьму.

Какъ видно изъ этихъ текстовъ, даръ прорицанія оцѣненъ вами свыше мѣры, ибо, по мнѣнію самихъ же апостоловъ, даже такой даръ, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ отличать

отъ простыхъ смертныхъ *избранниковъ Божіихъ, возвѣщающихъ людямъ путь спасенія*, можетъ быть не отъ Бога, а отъ злого духа. Какъ же послѣ этого приписывать духу прорицанія столь важное значеніе признака, провѣряющаго истинность самого Христа, коли самъ этотъ духъ можетъ быть даромъ діавола, даже въ томъ случаѣ, когда онъ проявляетъ столь добрые плоды познанія „пути спасенія“?

Выписываю изъ евангелія слова самого Христа (Мѳ. гл. VII. 22. 23).

> „Многіе скажутъ мнѣ въ тотъ день: Господи! Господи! не отъ твоего ли имени мы пророчествовали, и не твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли и не твоимъ ли именемъ многія чудеса творили? И тогда объявлю имъ: я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ меня дѣлающіе беззаконіе.“

Смыслъ этого текста прибавляетъ къ высказанной апостолами мысли еще ту мысль, что, во 1-хъ, неугодными „Господу“ могутъ оказаться не только люди, пророчествующіе именемъ діавола, а и именемъ „Господа“, и что, во 2-хъ, и дѣлающіе беззаконіе не лишены бываютъ даровъ: пророчества, чудотворенія и способности изгонять бѣсовъ. Такъ что, благодаря этому тексту, теряется мѣрка и для опредѣленія того, какой силой изгнали Павелъ и Сила бѣса прорицанія, — силой Божьей или бѣсовской. Эта мѣрка, говорю *я*, теряется потому, что и апостолы „дѣлали беззаконіе“, что мы увидимъ, если для обсужденія ихъ дѣлъ прикинемъ мѣрку, завѣщанную самимъ Христомъ: „по плодамъ ихъ судите о нихъ.“

Такъ апостолъ Петръ, пренебрегши преподаннымъ Христомъ новозавѣтнымъ духомъ спасенія, а не погубленія людей, совсѣмъ ужъ по старозавѣтному покаралъ смертью супруговъ Ананію и Сапфиру, наивно, чисто по-дѣтски, утаившихъ отъ апостоловъ часть своего имущества, уже пожертвованнаго ими въ пользу христіанской общины (Дѣян. V. 1 — 10).

Та же мысль о томъ, что пророческій даръ, а также даръ всевѣдѣнія имѣетъ второстепенное значеніе въ сравненіи съ высочайшимъ даромъ любви къ Богу и ближнему, высказывается въ пятой книгѣ Моисеевой, Второзаконіи, гл. XIII, ст. 1 — 5, словами: „Если возстанетъ среди тебя пророкъ или сновидецъ и представитъ тебѣ знаменіе или чудо, и сбудется то знаменіе или чудо, о которомъ онъ говорилъ тебѣ, и скажетъ при

томъ: пойдемъ въ слѣдъ боговъ иныхъ, которыхъ ты не знаешь, и будемъ служить имъ, — то не слушай словъ пророка сего, или сновидца сего; ибо чрезъ сіе искушаетъ васъ Господь Богъ вашъ, чтобы узнать, любите ли вы Господа Бога вашего отъ всего сердца вашего и отъ всей души вашей. Господу Богу вашему послѣдуйте и Его бойтеся; заповѣди Его соблюдайте, и гласа Его слушайте, и Ему служите, и къ Нему прилѣпляйтесь;“ а также въ 1-мъ посланіи къ Коринфянамъ гл. XIII. ст. I — 2, словами: „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я — мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто.“*)

Если мы загляднемъ въ книги пророковъ: — Исаіи, гл. 44, ст. 3, Іезекіиля, гл. 36 ст. 27, Іоиля, гл. 2, ст. 28 — 30, въ Дѣянія апостоловъ, гл. 2, ст. 17 и 18, въ евангеліи Мѳ. гл. X. 19 и 20 ст. и, наконецъ, въ книгу пророка Іереміи, гл. XVII ст. 5 и 6-й, — то встрѣтимъ приблизительно тѣ же мысли, какія мною высказаны въ первой половинѣ этого письма, а именно, что духъ Божій, долженствующій дѣлать оцѣнку добра и зла, правды и лжи въ людяхъ и въ книгахъ, хотя бы самыхъ авторитетныхъ и священныхъ, живетъ, а слѣдовательно можетъ проявляться, въ каждомъ человѣкѣ, а не только въ исключительныхъ людяхъ — въ библейскихъ пророкахъ.

Выписываю эти тексты: Исаія, гл. 44, ст. 3:

---

*) Далѣе ап. Павелъ, опредѣляя свойства любви, говоритъ: (I посл. Кор., гл. XIII. 4): „любовь долго терпитъ!“ — почему же Петръ не потерпѣлъ поступка Ананіи и Сапфиры? — „любовь милосердствуетъ!“ — почему же Петръ былъ такъ немилосерденъ къ Ананіи и Сапфирѣ? — „любовь все переноситъ!“ — почему же Петръ не перенесъ поступка Ананіи и Сапфиры? Очевидно потому, что любви не имѣлъ и потому палъ, согрѣшилъ и, можетъ быть, потомъ и покаялся, какъ онъ покаялся въ отреченіи отъ Іисуса Христа, но такъ, что мы не узнали объ этомъ. Вы же, строго блюдя запрещеніе руководствоваться своимъ разумомъ въ оцѣнкѣ поступковъ такихъ авторитетовъ, какъ апостолы, принуждены этотъ прямо дурной поступокъ назвать хорошимъ и такимъ образомъ тьму назвать свѣтомъ. Такъ, если такой поступокъ, какъ убійство (хотя бы словомъ) есть свѣтъ, то какова же тьма? Вотъ что значитъ поставить „подъ сосудъ“ свѣтильникъ своего разумѣнія!

„Я изолью воды на жаждущее и потоки на изсохшее; излію духъ Мой на племя твое.“

Іезекіиль, гл. 36, ст. 27:

„Вложу внутрь васъ духъ Мой...“

Іоиль, гл. 2, ст. 28, 29:

„Излію отъ духа Моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери... И также на рабовъ и на рабынь въ тѣ дни излію отъ духа Моего.“

Тотъ же текстъ пересказывается въ Дѣяніяхъ апостоловъ гл. II, ст. 17 — 18.

Еванг. отъ Мѳ., гл. X, ст. 19. 20:

„Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ и что сказать; ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ, что сказать; ибо не вы будете говорить, но *духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ*.“

И наконецъ: Іеремія, гл. 17, ст. 5 — 6:

„Проклятъ человѣкъ, который надѣется на человѣка и плоть дѣлаетъ своею опорою и котораго сердце удаляется отъ Господа. Онъ будетъ какъ верескъ въ пустынѣ *и не увидитъ, когда придетъ доброе*..“

Послѣднія знаменательныя слова пророка Іереміи не только сбылись по отношенію къ іудеямъ, — такъ и *не увидавшимъ доброе* въ Іисусѣ Христѣ, — но и теперь продолжаетъ сбываться по отношенію ко всѣмъ людямъ, не хотящимъ вникать въ смыслъ словъ всѣхъ тѣхъ современныхъ намъ добрыхъ и мудрыхъ людей, появленіе которыхъ не было предсказано или одобрено уже признанными пророками или авторитетами, такъ что и этимъ людямъ не суждено быть узнанными по собственнымъ плодамъ ихъ, и Богъ знаетъ, сколь долго еще будетъ звучать ихъ голосъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. А все потому, что все еще не могутъ люди проникнуться тѣмъ духомъ ученія Христа, по которому истину надо искать своимъ разумѣніемъ, а не чужимъ.

Ибо, какъ для того, чтобы видѣть, нельзя смотрѣть чужими глазами, хотя бы самыми зоркими, и какъ для того, чтобы слышать, нельзя слушать чужими ушами, хотя бы самыми чуткими, такъ и для того, чтобы понимать и знать, нельзя разумѣть чужимъ разумомъ, хотя бы самымъ свѣтлымъ, а приходится и смотрѣть, и слушать, и разумѣть все-таки своими глазами, ушами и разумомъ, хотя бы самыми слабыми.

Вспомните слова Христа: „Царство Божіе внутри васъ есть“. Если царство Божіе мы должны искать внутри себя, то почему же голоса правды, т. е. такого же Божьяго голоса, который бы показалъ намъ, какіе слова или поступки истинны и какіе ложны, мы не должны искать внутри себя?

Если не слѣдуетъ „ходить“ или „гоняться“ за царствомъ Божіимъ „вотъ сюда“ или „вотъ туда“, ибо оно внутрь насъ, то почему же слѣдуетъ человѣку не самому судить о высотѣ или низости, правдѣ или лжи даннаго поступка, или данной мысли человѣка, а гоняться за порицаніемъ или одобреніемъ ихъ „вотъ сюда“ или „вотъ туда“, т. е, считать за авторитетъ то ходячее мнѣніе людское, „принимать“ ту „славу отъ человѣковъ“, отъ которой разъ навсегда отказался Христосъ. Вѣдь вы же знаете, что, принимая авторитетъ библіи, вы на самомъ дѣлѣ слѣпо и безпрекословно принимаете не его, а авторитетъ мнѣнія вашихъ отцовъ и дѣдовъ.

А между тѣмъ отцы ваши и дѣды, при всемъ ихъ заблужденіи относительно боговдохновленности библіи, все же сумѣли сдѣлать тотъ самостоятельный, крупный и достойный полнаго уваженія шагъ, что, познавъ не чужимъ, а своимъ разумомъ внѣшность и ложь казенной религіи, сбросили съ себя путы ея слѣпого авторитета.

Такъ сумѣйте же и вы сдѣлать не менѣе крупный и важный шагъ, а именно: признавъ при помощи собственнаго разума заблужденія вашихъ вѣрованій, сбросьте съ себя то почитаніе „буквы“ библіи, которое мертвитъ животворящій духъ заповѣдей Божьихъ ни сколько не менѣе почитанія иконъ и обрядовъ.

Сумѣйте проникнуть въ ту доступную немногимъ избраннымъ глубину Христова ученія, которая одна только и можетъ избавить отъ застоя и вымиранія то и дѣло черствѣющія и умирающія на нашихъ глазахъ такъ называемыя христіанскія секты; сумѣйте убить въ своей вѣрѣ ту неподвижную, мертвящую догму, которая, если вы ее не убьете, убьетъ васъ. И тогда вы не только не будете осуждать того человѣка, который сдѣлалъ выборку понятныхъ и всѣмъ доступныхъ мѣстъ изъ евангелія, оставивъ безъ вниманія мѣста, противорѣчащія общему духу христіанства, но и сами возьметесь за то же серьезное дѣло пересмотра и строгаго разбора всей библіи, а

главное книгъ ветхаго завѣта, вносящихъ такъ много соблазна въ людскія головы.

Прилагаю при семъ очень подходящій къ духу моего письма отрывокъ изъ поэмы Ламартина „Падшій ангелъ“.

Страницы вдохновенныя читая,
Не говорите, люди, что самъ Богъ,
Въ уста избранниковъ слова свои влагая,
Святую книгу эту написать помогъ.
. . . . . .
Одна лишь книга есть, гдѣ Онъ своей рукой
Нетлѣнными чертами имя пресвятое
Предвѣчно написалъ — *то духъ* безсмертный твой,
Твой разумъ — человѣкъ. *Лишь онъ* надъ темнотою
Твоей всегда царитъ, *въ немъ* искра Божества, —
Премудрости Его живое отраженье ;
Въ немъ говоритъ Онъ съ вами, — устъ *плотскихъ* слова
Всѣ только искажаютъ Вышняго внушенья.

Переводъ П. А. Барыковой.

Письмо къ учителю реальнаго училища.

Многоуважаемый * * *

Въ необходимость написать Вамъ письмо, въ которомъ я намѣренъ довести разъ затронутый мною съ Вами вопросъ (о воинской повинности и непротивленіи) до возможной ясности, я поставленъ: съ одной стороны моею собственною жаждой истины и потребностью все больше и больше постигать ее, хотя бы цѣною полнаго моего отреченія отъ теперешнихъ моихъ воззрѣній и, съ другой стороны, уваженіемъ къ Вашей личности, въ силу котораго я не смѣю Вамъ отказать въ присутствіи тѣхъ же свойствъ.

Въ ожиданіи весьма нужнаго для меня отвѣта, въ которомъ я нашелъ бы или указаніе моихъ ошибокъ, или же признаніе безошибочности моихъ доводовъ, приступаю прямо къ дѣлу.

Духъ евангельскаго ученія, долженствующаго, по словамъ самого Христа, быть проповѣдуемымъ „по всей вселенной во свидѣтельство всѣмъ народамъ“ (Мѳ. XXIV. 14), есть духъ любви къ Богу и ближнему, духъ смиренія, всепрощенія, самоотверженія, непротивленія злу зломъ*), духъ любви къ врагамъ.

И такъ какъ по этому духу Богъ есть Отецъ всѣхъ людей, къ какой бы народности они ни принадлежали, то люди всѣхъ націй, какъ дѣти одного Отца, не могутъ не быть братьями между собой.

Вотъ почему *съ одной стороны* въ притчѣ о милосердномъ самарянинѣ (Лука X. 29 — 38) Христосъ нарочно даетъ такое опредѣленіе понятію „ближній“, по которому этимъ ближнимъ оказывается человѣкъ другой народности, *а съ другой стороны*

*) Т. е. недѣланіе другому того самаго, что я въ этомъ другомъ призналъ за зло.

въ заповѣди о любви къ врагамъ подъ врагами подразумѣваетъ не личныхъ только враговъ, но и враговъ народныхъ. Что въ понятіе враговъ Христосъ включалъ такъ называемаго *теперь* „непріятеля“, т. е. людей враждебной націи, это подтверждается тѣмъ, что въ V-й главѣ отъ Матеея, въ стихахъ 43-мъ и 44-мъ велѣлъ любить именно тѣхъ враговъ, которыхъ „древними“ *предписано* ненавидѣть. Что „древнимъ“ предписывалось ненавидѣть отнюдь не „сыновъ народа своего“, а сыновъ чужихъ племенъ, указано во 1-хъ въ томъ мѣстѣ, на которое ссылается (Мѳ. V. 43) самъ Христосъ (Левитъ 19 гл. 17 — 18), во вторыхъ же, въ слѣдующихъ мѣстахъ ветхаго завѣта: Исх. XXIII. 31. 32; Исх. 34 гл. 12 ст.; Кн. Числъ 33 гл., 51 — 53 ст.; Второз. VII гл. 2 ст.; XXIII гл. 6.

Вотъ всѣхъ подобныхъ враговъ и велитъ любить Христосъ. Такъ что при всемъ желаніи воевать, воевать будетъ не съ кѣмъ, ибо по евангелію нѣтъ тѣхъ враговъ, которыхъ позволительно было бы убивать.

Военные обыкновенно говорятъ, что проливаютъ или учатся проливать кровь потому, что, помня слова божественнаго учителя, „полагаютъ за други души своя“.

Этими словами они обнаруживаютъ не только нежеланіе знать общій духъ ученія Христа, но даже понимать и приводимый ими, и другіе тексты, прямо опровергающіе ихъ толкованіе.

Во 1-хъ, Христосъ говоритъ о положеніи за други своя только своей, а не чужихъ жизней, и не только запрещаетъ убійство, но даже и гнѣвъ на людей (Мѳ. V. 22).

Во 2-хъ, находясь на сторонѣ гонителей, а не гонимыхъ за вѣру, военные забываютъ о той почвѣ, на которой по словамъ Христа приходится и придется истиннымъ христіанамъ полагать жизнь свою. Эта почва есть духъ смиренія, непротивленія злу зломъ и безстрашія передъ гонителями, убивающими тѣло, душу же не могущими убить.

Въ 3-хъ, Христосъ не дѣлитъ людей на друзей и враговъ, а *всѣхъ людей безъ исключенія* называетъ братьями и ближними и даже велитъ любить тѣхъ изъ нихъ, которыхъ люди такъ или иначе называютъ врагами. Вотъ почему Христосъ въ одну изъ послѣднихъ ночей своей жизни велитъ Петру, бросившемуся защищать посредствомъ насилія жизнь своего учителя и друга, вложить мечъ въ ножны.

Говорятъ еще, что приходится воевать потому, что, по словамъ Христа, „надлежитъ быть и войнамъ на землѣ.“ А я прибавлю отъ себя, что по его же словамъ надлежитъ быть не только войнамъ, но еще и смятеніямъ*) (Лука XXI. 9) и сыну человѣческому *надлежитъ* быть преданну въ руки человѣковъ грѣшниковъ, много пострадать, быть уничижену и распяту (Маркъ IX. 12; Лука XXIV. 7). Еще *надлежитъ* прійти и соблазнамъ: но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ. (Мѳ. XVIII. 7).

Такъ неужели изъ того, что всему этому *надлежитъ* быть, слѣдуетъ, что намъ, людямъ, надо заботиться не о томъ, чтобы всему этому какъ можно скорѣе положить конецъ, — ибо отъ насъ зависитъ скорость приближенія конца, — а, наоборотъ, о томъ, чтобы производить войны, возстанія, предавать людей, проводящихъ въ жизнь ученіе Христа, въ руки грѣшниковъ, причинять имъ страданія, уничтожать, распинать ихъ? Неужели изъ того, что *надобно быть* соблазнамъ, и, несмотря на то, что „горе тому человѣку, черезъ котораго приходитъ соблазнъ,“ слѣдуетъ не то, чтобы люди избавляли отъ соблазновъ себя и другихъ, а наоборотъ, то, чтобы вносили ихъ въ міръ, увеличивали ихъ?

Явно отрицательное отношеніе Христа къ войнѣ подтверждается еще тѣмъ упоминаемымъ въ евангеліи фактомъ, что первосвященники и фарисеи боялись „*оставить*“ Христа безъ вниманія, п. ч. были увѣрены, что таково ужъ свойство ученія Христа, что, если народъ послѣдуетъ ему, то не будетъ защищаться отъ нападенія непріятелей: „и придутъ римляне и овладѣютъ и мѣстомъ ихъ, и народомъ“ (Іоаннъ XI. 48). По этой то причинѣ Каіафа и высказался за казнь Христа, ибо, по его словамъ (Іоаннъ XI. 50), „*лучше... чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели, чтобы весь народъ погибъ.*“

Есть еще въ евангеліи одинъ излюбленный правительствомъ текстъ, который обыкновенно *цитируется* военными въ качествѣ косвеннаго подтвержденія необходимости воевать, — необходимости, вытекающей будто бы изъ обязательности слѣпого и *безпрекословнаго* повиновенія *всякимъ* повелѣніямъ Кесаря.

---

*) Слово *ἀκαταστασία* лучше перевести словомъ „возстаніе“. См. грѣч. русск. словарь Вейсмана.

Это слова Христа: „Кесарево Кесарю — Божіе Богу.“

Церковники, въ угоду государству, выводятъ изъ этихъ словъ необходимость слѣпого повиновенія властямъ: на самомъ же дѣлѣ текстъ этотъ (Маркъ XII. 13 — 18; Мѳ. XXII. 15 — 22; Лука XX. 20 — 25) для того только и приведенъ евангелистами, чтобы *съ одной стороны* разсказать, какъ хотѣли agents provocateurs поймать Христа на словѣ; ибо не для чего было бы и искушать его, если бы онъ прямо и открыто проповѣдывалъ безусловное повиновеніе властямъ, и чтобы *съ другой стороны* показать находчивость Христа, сумѣвшаго отвѣтить такъ, чтобы *и* не разрушить своего ученія, — состоящаго въ томъ, что сыны свободны отъ податей (Мѳ. XVII. 24 — 26), что цари царствуютъ надъ народами... а чтобы между его учениками *не было такъ*... (Мѳ. XX. 25 — 29; Маркъ X. 42 — 45; Л. XXII. 25. 26), — *и* не дать повода испытующимъ къ обвиненію себя.

Но если даже и принять слова этого текста безъ всякихъ соображеній о томъ, по какому поводу они были высказаны, то и тогда ничего иного не выйдетъ изъ примѣненія ихъ къ жизни, кромѣ того, что Бога нужно любить всѣмъ сердцемъ, разумѣніемъ и т. д., *Кесарю же отдавать только то, что не противорѣчитъ любви къ Богу.* Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что начинать надо съ повиновенія Богу, а потомъ уже подумать о томъ, что останется на долю другого „господина“ — Кесаря.

— Что же ему останется?

— Очень немногое. А именно: наше имущество и трудъ *такой, какой не противорѣчитъ волѣ Бога.*

Впрочемъ, долженъ оговориться, что предпочтительная отдача такого труда и имущества Кесарю передъ болѣе нуждающимися — нищими, больными, убогими, старыми и малыми — будетъ продолжаться до тѣхъ только поръ, пока въ безпрекословномъ распоряженіи Кесаря еще будутъ находиться люди, позволяющіе себѣ „дѣлаться рабами человѣковъ“ (1 Кор. VII. 23), то есть служащіе „всѣмъ сердцемъ и разумѣніемъ“ Кесарю, а не Богу, и потому исполняющіе такія повелѣнія Кесаря, какія явно противорѣчатъ повелѣніямъ Божьимъ. Когда же наступитъ *на землѣ* то „царствіе“ и восторжествуетъ та „воля“, о которыхъ Христосъ учитъ молиться словами: „да пріидетъ

царствіе Твое; да будетъ воля Твоя *и на землѣ*, какъ на небѣ“ (Мѳ. VI. 10; Л. XI. 2); то время, когда всѣ люди „будутъ научены Богомъ“ (Іоаннъ VI. 45; Исаія 54. 13) и потому не будутъ ходить на помочахъ у другихъ людей (Іеремія XXXI. 31 — 35) — посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ, учителей, наставниковъ, „батюшекъ“ (Мѳ. 23, 8 — 10); когда „мечи будутъ перекованы на орала и копья на серпы“ (Михей IV. 3 — 4; Ісаія II. 4) и когда всѣ люди по примѣру Христа откажутся отъ власти надъ царствами міра (Лука IV. 6. 7.), въ какой бы долѣ эта власть имъ ни предлагалась діаволомъ, — тогда нечего уже будетъ отдавать Кесарю людямъ, ни въ чемъ Кесаревомъ не нуждающимся и потому ничего Кесарева не принимающимъ. Такъ что на долю человѣка, именующаго себя Кесаремъ, въ концѣ концовъ ничего, кромѣ милостыни во имя Христа (Мѳ. V. 42; Лука VI. 30), уже не останется, ибо некому уже будетъ насильственно принуждать къ отдачѣ труда и имущества въ пользу кесаревыхъ антихристіанскихъ затѣй и учрежденій.

Если мы желаемъ наступленія этого времени, жаждемъ пришествія этого царствія Божія, „горчичное зерно“ (Мѳ. XIII. 31; Маркъ IV. 31; Л. XIII. 19) котораго кроется внутри (Л. XVII. 21) каждаго изъ насъ, то непремѣнно будемъ въ мѣру своихъ силъ и способностей работать на его пользу и молиться о его наступленіи (хорошо понимая, что безъ такового желанія произнесеніе „молитвы Господней“ является явнымъ кощунствомъ, непростительной хулой на св. Духа).

Если же не желаемъ этого, то неминуемо должны избрать одинъ изъ двухъ путей противодѣйствія торжеству христіанской истины:

Или мы честно и открыто заявимъ всѣмъ и каждому, что христіанскіе принципы годны были только для простодушныхъ рыбаковъ Галилеи, о чемъ и написалъ Ренанъ въ своей книгѣ: „Жизнь Іисуса“, а что мы, сыны 18 и 19 вѣковъ, уже выросшіе изъ отсталаго жизнепониманія Христа, выработали свое, высшее, соціально-научное, общественно-правовое жизнепониманіе; и въ такомъ случаѣ приготовимся за таковыя свои убѣжденія претерпѣть гоненіе и кару съ ихъ послѣдствіями — потерею всякихъ привилегій и авторитета надъ массами.

Или же спрячемся за спины сильныхъ міра сего, которые, чѣмъ они умнѣе, тѣмъ, съ одной стороны, яснѣе понимаютъ

несоотвѣтствіе съ истиннымъ христіанствомъ своихъ общественно-правовыхъ доктринъ и, съ другой стороны, тѣмъ старательнѣе заняты акклиматизаціей истиннаго христіанства на почвѣ этихъ доктринъ, т. е., по просту говоря, фабрикаціей своего собственнаго христіанства.

Страшно подумать, что и въ наше время еще большая часть людей продолжаетъ избирать своимъ поприщемъ именно эту послѣднюю

просторную
Дорогу торную
Страстей раба,

по которой

громадная
Къ соблазну жадная
Идетъ толпа . . .

и тѣмъ самымъ все вновь и вновь воплощаетъ собою — только въ иныхъ, болѣе изящныхъ, самимъ православіемъ освященныхъ и потому трудно разоблачаемыхъ формахъ, — все тѣ же столь мѣтко охарактеризованные и заклейменные Христомъ и пророками типы людей.

Не угодно ли припомнить эти столь живучіе типы, одаренные способностью хамелеона, мѣняющаго свои цвѣта, переодѣваться по-модному, по-современному, по-комильфотному.

Вотъ они и нынѣ, „домы вдовъ поѣдающіе“ (Мѳ. XXIII. 14), а себѣ „прибавляющіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста“ (Исаія V. 8); и однако же свою „десятину съ мяты, аниса и тмина“ (Мѳ. XXIII. 23) въ разныя филантропическія учрежденія самодовольно „отдающіе“ и такимъ образомъ „верблюда“ съ аппетитомъ „поглощающіе“, „комара“ же исправно „оцѣживающіе.“ (Мѳ. XXIII. 24).

А вотъ и люди, за низкій „поклонъ діаволу“ въ различныхъ доляхъ власть надъ царствами міра сего отъ него получившіе (Л. IV. 6 — 8). Глядите, какую груду законовъ, постановленій, правилъ — „правило на правило, правило на правило, тутъ немного, тамъ немного“... (Исаія 28 гл. 10 — 13) — они нагромоздили, какія „бремена тяжкія и неудобоносимыя“ законодательства и административныхъ мѣръ „на плеча“ своихъ младшихъ братьевъ во Христѣ наложили, а сами и однимъ

пальцемъ своимъ не хотятъ дотронуться до нихъ и двинуть ихъ (Мѳ. XXIII. 4; Л. XI. 46). Глядите, какъ имъ самимъ же трудно разбираться въ лабиринтѣ своихъ собственныхъ хитросплетеній, для чего своихъ законовѣдовъ — адвокатовъ создали, которые, какъ лоцманы, проводящіе иностранные суда промежъ мѣстныхъ подводныхъ рифовъ, проводятъ простыхъ смертныхъ по дремучимъ дебрямъ законодательства, дабы эти несчастные не упали навзничь и не разбились, не попали въ сѣти и не были уловлены (Исаія 28 гл. 13 ст.)

Полюбуйтесь на этихъ людей, какъ они важно и чинно предсѣдательствуютъ въ современныхъ синагогахъ и пируютъ на своихъ пиршествахъ (Мѳ. XXIII. 6; Л. XI. 43; Л. XX. 46), (хотя бы во время разныхъ съѣздовъ); съ какимъ достоинствомъ принимаютъ привѣтствія въ своихъ присутствіяхъ и любятъ, чтобы люди звали ихъ Ваше Превосходительство! Ваше Высокородіе! (Мѳ. XXIII. 7; Л. XI. 43; Л. XX. 46). А для того, чтобы „принять“ побольше „славы отъ человѣковъ“ (Ін. V. 41. Ін. VIII. 50; I Θεσσαλ. II. 6), а также пріобрѣсть болѣе внушительный (гипнотизирующій) видъ, „расширяютъ хранилища*) свои и увеличиваютъ воскрилія одеждъ своихъ“ (Мѳ. XXIII. 5) т. е., по нашему, облекаютъ свои холеныя тѣла въ шитые золотомъ мундиры и вицмундиры съ орденами, лентами, бантами, и аксельбантами.

Сохранился у насъ и типъ „книжниковъ“, „наставниковъ“ и „учителей“ (Мѳ. XXIII. 8 — 10) — это люди крѣпко въ своихъ рукахъ ключи разумѣнія держащіе (Л. XI. 52), тьму, которую съ своихъ каѳедръ проповѣдуютъ, свѣтомъ называющіе (Л. XI. 35), свѣтъ же, который и въ нихъ есть, искусно подъ кровати и подъ сосуды прячущіе (Мѳ. V. 15; Мр. IV. 21; Л. XI. 33) и такимъ способомъ ни сами не входящіе, ни жаждущихъ войти въ царство свѣта не впускающіе (Лк. XI. 52).

Лучше же всего сохранился и даже усовершенствовался у насъ типъ фарисеевъ-лицемѣровъ, отъ которыхъ самымъ цвѣтомъ общественнаго мнѣнія уже „отнято царство Божіе“ и уже въ значительной долѣ „передано народу, приносящему плоды его,“ т. е. этого царства (Мѳ. XXI. 43).

---

*) Повязки на лбу.

Вотъ они, и нынѣ очищающіе внѣшность чаши, внутренность же ея оскверняющіе хищеніемъ и неправдой (Мѳ. XXIII. 25), небрегущіе о правдѣ и любви Божьей (Л. XI. 42), но за то исправно лицемѣрно и на показъ долго и громко молящіеся (Мр. XII. 40; Л. XX. 47; Мѳ. VI. 5 — 8) въ тѣхъ самыхъ „рукотворенныхъ храмахъ", въ которыхъ не живетъ духъ Божій (Дѣян. XVII. 24 — 26), по свидѣтельству самихъ апостоловъ*), — люди, „любящіе ходить въ длинныхъ одеждахъ" (Мр. XII. 38; Л. XX. 46).

Справедливо назвалъ ихъ Шопенгауэръ монополистами и генеральными откупщиками метафизической (религіозной) потребности людей, эксплоатирующими ее въ видахъ личнаго и государственнаго благоденствія до послѣднихъ границъ возможнаго (Міръ какъ воля и представленіе, т. II. ст. 195).

Но не подумайте, что дѣлая всѣ свои дѣла лицемѣрія, ханжества и эксплуатаціи высшихъ и священнѣйшихъ чувствъ человѣка, они настолько слѣпы, что не видятъ, въ какомъ противорѣчіи находится вся ихъ дѣятельность съ завѣтами всѣхъ истинныхъ пророковъ. Они прекрасно видятъ, что поступаютъ и проповѣдуютъ какъ разъ наперекоръ тому, что дѣлали и чему учили пророки. Но, такъ какъ ихъ земные, плотскіе интересы, тѣсно связанные ими же самими съ интересами политическими, государственными, идутъ въ разрѣзъ съ завѣтами пророковъ, то они и принуждены или какъ можно тщательнѣе стирать память объ этихъ людяхъ, упорно живущую въ сердцахъ народныхъ массъ, или, если это имъ не удается, съ одной стороны, показывать видъ, что они-то и суть самые первые поклонники и почитатели истинныхъ пророковъ, а съ другой стороны изподтишка сдѣлать все возможное, чтобы подогнать ученіе этихъ пророковъ подъ требованія своихъ вожделѣній.

„До васъ, молъ, православные, дошло по преданію уваженіе передъ авторитетами Христа, древнихъ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и подвижниковъ христіанскихъ," — говорятъ они своей покорной паствѣ. „Это, молъ, хорошо, что вы чтите

*) Вотъ еще рядъ текстовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Богъ живетъ не въ рукотворенныхъ храмахъ, а въ душахъ людей: I Кор. VI. 19; Дѣян. VII. 48 — 52; I посл. Кор. III. 16. 17; I посл. Петра II. 5; II посл. Петра I. 13. 14; II Кор. VI. 16; Евр. III 6; Апокал. XXI. 22.

преданія своихъ старцевъ! Но знаете ли вы хорошенько, за что ваши предки такъ высоко превозносили этихъ людей?... нѣтъ... не знаете? Такъ слушайте: они превозносили и боготворили ихъ какъ разъ за то самое, чему и мы васъ учимъ. Потому, если вы будете безпрекословно во всемъ слушаться насъ, ужъ конечно лучше васъ знакомыхъ съ завѣтами этихъ людей, то лучше всего угодите и имъ. Итакъ, дѣлайте то-то и то-то и, если исполните все въ точности по нашему предписанію, то попадете прямо въ рай, если же не исполните, то — въ адъ!"

И вотъ по иниціативѣ и почину этихъ людей строются, украшаются столь щедро оплачивающіе ихъ пропитаніе храмы, соборы съ гробницами, плащаницами и распятіями въ честь тѣхъ самыхъ оболганныхъ ими пророковъ, которые не только отрицали эти храмы со всѣмъ совершающимся въ нихъ внѣшнимъ богопочитаніемъ, оправдывающимъ и благословляющимъ огуломъ всѣ извилины государственной, чисто языческой политики, но подмѣтили и предсказали постоянно случавшееся до нихъ и при нихъ, а равно и нынѣ происходящее характерное явленіе, состоящее въ слѣдующемъ.

Тѣ самые люди, которые увѣряютъ, что живи они въ дни отцовъ своихъ, проливавшихъ кровь пророковъ, они не были бы сообщниками ихъ въ этомъ кровопролитіи (Мѳ. XXIII.30), и которые поэтому усердно строятъ этимъ пророкамъ и праведникамъ гробницы и украшаютъ ихъ памятниками (Мѳ. XXIII. 29; Л. XI. 47). Эти-то самые люди какъ разъ и суть сыны тѣхъ, которые избили пророковъ, (Мѳ. XXIII. 31), ибо тѣмъ именно и „дополняютъ мѣру отцовъ своихъ" (Мѳ. XXIII. 32) и пріобщаются къ нимъ, что тѣ избили пророковъ, а они строятъ имъ гробницы (Л. XI, 48) и плащаницы.

И насколько фарисеи нашего времени превзошли въ своемъ чудовищномъ лицемѣріи фарисеевъ іудейскихъ, — ибо тѣ, гоня Христа, не скрывали своей вражды къ нему, эти же, ненавидя и преслѣдуя истинное христіанство, нагло „сидятъ на сѣдалищѣ" (Мѳ. XXIII. 2) Христовомъ и тѣмъ даютъ Христу новое цѣлованіе Іуды (Мѳ. XV. 8; Мр. VII. 6), — настолько вѣщія и грозныя слова Христа, обращенныя имъ къ современнымъ ему фарисеямъ, имѣютъ еще большее отношеніе къ фарисеямъ нашего времени. Такъ что, если отъ тѣхъ „змій и порожденій ехидниныхъ" (Мѳ. XXIII. 33) должна взыскаться кровь всѣхъ

пророковъ, всѣхъ мудрыхъ (Мѳ. XXIII. 34) и праведныхъ (Мѳ. XXIII. 35), проливаемая отъ созданія міра, (Л. XI. 50) то тѣмъ паче эта кровь ложится на современныхъ „змій и порожденій ехидниныхъ.“

Не желаю ни другу своему, ни недругу воплощать собою, какой-либо изъ перечисленныхъ мною типовъ, столь беззастѣнчиво избравшихъ, какъ я уже сказалъ выше,

просторную
Дорогу торную,

а, наоборотъ, и „малому“, толкаемому и соблазняемому (Л. XVII. 2) идти по этой дорогѣ, и старому, съ малыхъ лѣтъ идущему и другихъ соблазняющему идти по ней, желаю только одного: какъ можно скорѣе свернуть на другую

тѣсную
Дорогу честную, —

на ту узкую дорогу, въ тѣ узкія врата (Мѳ VII. 13. 14; Л. XIII. 24), въ которыя и Христосъ призываетъ всѣхъ утружденныхъ и обремененныхъ (Мѳ. XI. 28) суетнымъ внѣшнимъ (кромѣшнымъ) существованіемъ.

Тѣмъ болѣе надо торопиться это дѣлать, что та, кажущаяся, крѣпость „спинъ сильныхъ“, за которыми мы такъ привыкли прятаться и на которыя пріучены надѣяться, съ одной стороны, все болѣе и болѣе ослабляется отъ стона и напора негодованія и озлобленія всѣхъ обдѣленныхъ пирогомъ жизни, всѣхъ вытѣсненныхъ съ пира

ликующихъ,
Праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,

а съ другой стороны, и главнымъ образомъ, ослабляется, вслѣдствіе освѣщенія той тьмы, на которой только и можетъ держаться эта мнимая крѣпость.

Отъ души желаю, чтобы это письмо мое было одною изъ искорокъ этого свѣта.

По вопросу о религіозномъ воспитаніи дѣтей. Письмо къ N N.

Какой изъ васъ отецъ, когда сынъ попроситъ у него хлѣба, подастъ ему каменьѣ...
Лука XI. 11.

Я не забылъ нашу съ Вами бесѣду о религіи дѣтей; она заставила меня серьезнѣе, чѣмъ раньше, вдуматься въ этотъ важный вопросъ, за что я очень благодаренъ Вамъ.

И вотъ теперь, когда мнѣ удалось набросать на бумагѣ плоды моихъ размышленій по этому предмету, считаю своимъ долгомъ подѣлиться ими съ Вами. Надѣюсь, что толчекъ, сообщившій движеніе моимъ мыслямъ, не прекратитъ своего дѣйствія и въ томъ случаѣ, если, такъ сказать, будетъ отраженъ опять въ сторону своего возникновенія. Словомъ, приношу Вамъ „твоя отъ твоихъ“ и заранѣе прошу извинить меня за нѣкоторую несвязность изложенія, которая происходитъ съ одной стороны отъ поспѣшности писанія, а съ другой оттого, что эти мысли я Вамъ сообщаю въ той же послѣдовательности, въ какой онѣ у меня занесены въ дневникъ.

Прежде всего я долженъ сказать Вамъ, что, несмотря на то, что уже пришло то время, когда дни матеріализма (не экономическаго, а философскаго) уже сочтены и что взрослые люди уже не могутъ вѣрить въ матерію, какъ въ абсолютное начало, — какъ они уже не могутъ болѣе вѣрить въ неподвижность земли, — тѣмъ не менѣе дѣти не могутъ не быть матеріалистами, не по теоріи, какъ взрослые, а прямо въ силу своего возраста: ребенка, незадолго родившагося въ нашъ міръ матеріальныхъ представленій, можно сравнить съ человѣкомъ внезапно попавшимъ въ незнакомыя ему роскошно убранныя палаты. И какъ человѣкъ этотъ настолько ошеломленъ убранствомъ, разнообразіемъ и роскошью палатъ, что не видитъ за

ними людей — хозяевъ этихъ палатъ, такъ и ребенокъ настолько ошеломленъ внѣшностью, видимостью („кромѣшностью“) міра, что до поры до времени не видитъ сущности за ея проявленіемъ, т. е, духа за матеріей.

Перехожу къ изложенію моихъ мыслей о религіозномъ воспитаніи дѣтей.

Говорить пятилѣтнему ребенку о религіи, т. е. объ отношеніи къ Началу жизни, т. е. о смыслѣ жизни, все равно, что говорить пятимѣсячному ребенку о питаніи молокомъ. Вѣдь какъ пятимѣсячный ребенокъ самъ представляетъ изъ себя пока не что иное, какъ желудочекъ, т. е. само питаніе, такъ пятилѣтній ребенокъ — сама не сознающая себя вѣра, радость жизни, т. е. и есть само живое, цѣльное отношеніе къ Началу жизни.

Ребенокъ такъ же познаетъ Бога, учась быть добрымъ и послушнымъ, какъ онъ познаетъ законъ тяготѣнія, учась ходить и бѣгать. Учить ребенка быть добрымъ и послушнымъ, ссылаясь на недоступную для его разума волю Бога, все равно, что учить его ходить и бѣгать, ссылаясь на законы равновѣсія. Придетъ время и заинтересуется ребенокъ законами равновѣсія. Также придетъ время и ребенокъ, ставъ взрослымъ, заинтересуется законами правды, и, ища правды, отыщетъ Бога.

Безсмысленно также учить ребенка внѣшнимъ обрядамъ, ибо — тогда какъ для нѣкоторыхъ взрослыхъ все же они суть форма, внѣшнее выраженіе какого то подразумѣваемаго внутренняго содержанія, — для ребенка они — одна голая форма безъ содержанія, т. е. идолъ, т. к. не можетъ же эта форма никоимъ образомъ выражать собою то внутреннее содержаніе, которое на самомъ дѣлѣ есть въ ребенкѣ. Такъ что, награждая ребенка чуждыми его собственному содержанію формами, мы тѣмъ самымъ какъ бы заставляемъ его щеголять въ отцовской одеждѣ. Вотъ сшить ему одежду по немъ, помочь ребенку воплотить, выразить во внѣ его собственное внутреннее содержаніе, да такъ, чтобы не захватать грубыми руками, не замутить чистый источникъ его духовныхъ силъ — это другое дѣло. Да, къ сожалѣнію, не объ этомъ толкуютъ мои возражатели, а о церковныхъ обрядахъ.

Но если безсмысленно наряжать ребенка въ родительское платье, навязывать ему чуждую его содержанію форму вѣроис-

повѣданія, — то еще безсмысленнѣе наряжать его въ такое платье, которое уже изношено самими родителями, — навязывать ему такую религіозную форму, которая перестала соотвѣтствовать вѣрованію самихъ родителей. Это ужъ непростительная ложь, которую чуткая натура ребенка не можетъ не почувствовать. А разъ почувствовавъ, или заразится вкусомъ къ тому, чтобы обманывать или быть въ обманѣ (въ иллюзіи, забвеніи), т. е. бояться свѣта истины, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ рѣзать глаза заснавшагося во тьмѣ человѣка; или же, не заразившись обманомъ, а наоборотъ, почувствовавъ къ нему негодованіе или презрѣніе, наградитъ этими чувствами и своихъ обманщиковъ. „Но развѣ можно оставить ребенка *безъ всего*?“ — говорятъ люди, за внѣшностью ничего внутренняго не видящіе. — Безъ всего? Что это значитъ: „безъ всего?“ Да неужели вы думаете, что Богъ, вложившій вамъ въ совѣсть отвращеніе ко лжи и такимъ образомъ запретившій учить ребенка идолопоклонству, такъ и оставилъ ребенка *безъ всего*? Очень похожи на ваши возраженія слова тѣхъ людей, которые боятся остаться „безъ всего“, т. е. безъ руководства въ жизни тогда, когда люди все больше и больше будутъ отказываться участвовать въ насиліи власти. „А какъ же будутъ жить люди безъ тюремъ и войска?“ — говорятъ они. Какъ будто система насилія есть какое-то руководство въ жизни! Да неужели Богъ, вложившій въ душу человѣка разумъ и любовь, сдѣлалъ это не для того, чтобы ими руководились люди, а чтобы пренебрегали ими, замѣнивъ ихъ противоположными имъ средствами — насиліемъ и ненавистью?... „Безъ всего!“ Да неужели и впрямь вы думаете, что вашими обрядами исчерпывается „все“ содержаніе души ребенка? Не безпокойтесь, дѣтская душа побогаче, а главное посвѣжѣе, поцѣльнѣе нашей, такъ что и насъ еще напоитъ изъ своего источника, который мы только мутимъ своими внушеніями. Забыли мы, что Христосъ велѣлъ своимъ ученикамъ, чтобы они были какъ дѣти, и хотимъ наоборотъ, чтобы дѣти были какъ мы. И достигаемъ этого вполнѣ, забывая другія слова Христа о томъ, что горе міру отъ соблазновъ, но что больше всего горе тому, черезъ кого приходитъ соблазнъ къ „малымъ симъ“. Не понимаемъ мы, что наша обрядность, которую мы прививаемъ ребенку, и есть именно тотъ камень, привѣшанный на шею утопающему и выбира-

ющемуся изъ воды человѣку, про который тоже говорилъ Христосъ.

— „Да вы посмотрите, какъ набожно молятся дѣти на образа, съ какимъ восторгомъ и рвеніемъ идутъ въ первый разъ въ жизни на исповѣдь! “ — говорятъ люди, уже успѣвшіе по своимъ побочнымъ соображеніямъ*) поставить своего ребенка на пагубный путь церковнаго соблазна.

Да, они съ большимъ рвеніемъ стараются подражать старшимъ, въ особенности въ томъ, чему придается старшими большая важность и что доступно подражанію. Да смысла-то нѣтъ въ этомъ внѣшнемъ формальномъ подражаніи. Какъ не можетъ ребенокъ научиться мудрости мыслей, воспроизводя механически тѣ слова и фразы, посредствомъ которыхъ вы будете ему излагать эти мысли, такъ же точно не можетъ онъ заимствовать отъ васъ вашего отношенія къ Богу, воспроизводя за вами одну внѣшнюю да вдобавокъ ложную форму выраженія этого отношенія. — „Но вѣдь дѣти охотно побросаютъ свои игрушечныя лошадки, разъ вы позовете ихъ кататься на живыхъ! “ — продолжаютъ оправдываться люди, сами привыкшіе довольствоваться одними аксессуарами ѣзды и передвиженія, окончательно замѣнивъ ими самую ѣзду, словомъ, люди, приписывающіе внѣшнему знаку смыслъ внутренняго значенія.

Да, дѣти охотно бросаютъ призраки ради обладанія дѣйствительностью. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что ихъ надо награждать такими игрушками или подобіями, которыя изображали бы собою незнакомые дѣтямъ дѣйствительные предметы? Вѣдь для дѣтей только тѣ игрушки и имѣютъ цѣнность, которыя представляютъ изъ себя въ миніатюрѣ знакомые и интересные для нихъ предметы. Но бѣда еще не въ томъ одномъ, что ребенка наградятъ подобіемъ незнакомаго ему предмета, а главное въ томъ, что это подобіе ему выдадутъ за самый предметъ, т. е. обманутъ его самымъ грубымъ образомъ, а если и не обманутъ, то самъ ребенокъ неминуемо будетъ въ заблужденіи, — приметъ подобіе неизвѣстнаго предмета за самый

*) Одно изъ такихъ побочныхъ соображеній то, что все равно де моему ребенку придется учиться въ казенномъ учебномъ заведеніи, въ которомъ не миновать ему проходить православный „Законъ Божій“.

оригиналъ. Вотъ съ какого возраста насъ пропитываютъ до мозга костей идолопоклонствомъ.

„Но я постараюсь объяснить ребенку, что такое подобіе, что — оригиналъ, словомъ, употреблю всѣ мѣры къ тому, чтобы не ввести его въ обманъ," — говорятъ именно тѣ люди, которымъ самимъ нужнѣе всего успокаивающій ихъ обманъ.

... И тѣмъ самымъ впадете въ ту самую „философію", за которую обвиняете меня. А я и не хочу дѣлиться съ своимъ ребенкомъ своими философскими мыслями до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не придетъ ко мнѣ за ними.

На это обыкновенно отвѣчаютъ, что незачѣмъ дожидаться того времени, когда ребенокъ самъ придетъ къ вамъ за разъясненіями, а что надо учить его *примѣнительно къ его возрасту* и пониманію.

„Примѣнительно къ возрасту и пониманію!" И учатъ, напримѣръ, мужика примѣнительно къ чему? Какъ бы вы думали? Можетъ быть примѣнительно къ тому, что онъ самостоятельно началъ открывать, какъ истину евангелія? Я разумѣю всѣ самостоятельно и безпрерывно возникающія секты, въ формы, которыхъ у насъ въ Россіи выливается да и вылилось бы цѣликомъ народное самосознаніе, если бы правительство оставило народъ хоть на годъ въ покоѣ и не навязывало бы ему своего „народнаго просвѣщенія". Такъ можетъ быть мужику приходятъ на помощь на этомъ именно поприщѣ его самостоятельнаго исканія истины? Ничуть не бывало, а, наоборотъ, его учатъ въ школахъ примѣнительно къ тому, чему его учитъ попъ, а попъ, по большей части не вѣдая, что творитъ, учитъ примѣнительно къ тому, что матеріально выгодно для привилегированныхъ классовъ.

Подобную же ошибку мы дѣлаемъ и относительно нашихъ дѣтей. На первый взглядъ кажется, что мы ихъ учимъ примѣнительно къ ихъ возрасту, а на самомъ дѣлѣ мы, какъ плохой садовникъ, искуственно уродуемъ и искажаемъ естественный ростъ этого нѣжнаго растенія, дѣлая ему прививку примѣнительно къ нашимъ личнымъ привычкамъ, калѣчимъ его — еще простительно бы, если бы сообразно съ своими собственными искренними заблужденіями, — а то примѣнительно къ тому, чѣмъ мы сами, не теперь, а раньше были обмануты и обмануты-то тоже примѣнительно къ заблужденіямъ предковъ... Вотъ и разберите всю эту цѣпь примѣнительности!

Есть ли какой-нибудь смыслъ въ томъ, чтобы внушать и прививать человѣку съ самаго малаго возраста не то „единое“, что ему на потребу и что могло бы освѣщать ему и осмысливать весь трудный путь его жизни, а то „многое“ сбивчивое и противорѣчивое, чему никакъ не выдержать напора его умственной зрѣлости. Вѣдь дѣти — это не капуста-разсада, которую сначала сажаютъ въ ящикъ, а потомъ на грядку, причемъ преимущество все-таки на сторонѣ капусты, потому что тѣ-же заботливыя руки, которыя посадили ее въ ящикъ, пересадятъ ее и на естественную почву: дѣтей же по обыкновенію предоставляютъ ихъ собственнымъ слабымъ и еще болѣе ослабляемымъ силамъ выбираться изъ искусственной почвы на естественную, чего они, выросши, по большей части не дѣлаютъ по малосилію, такъ что чахнутъ и гибнутъ въ спертой атмосферѣ отжившихъ формъ и традицій.

Естественно, когда ребенка воспитываютъ въ отжившихъ религіозныхъ формахъ тѣ люди, въ сердца которыхъ еще не закралось никакого сомнѣнія въ истинности ихъ собственнаго вѣрованія. Естественно также, если эти еще чуждые всякаго сомнѣнія люди настаиваютъ на своемъ религіозномъ воспитаніи противъ всего „новаго“ и непонятнаго для нихъ, а слѣдовательно и своихъ, и чужихъ дѣтей не хотятъ выпускать изъ наѣзженной колеи религіозныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Но неестественно, когда люди, уже признавшіе разумность истиннаго вѣрованія, а слѣдовательно ложность своего, все-таки внушаютъ его дѣтямъ, какъ таковымъ. Эти люди по моему очень похожи на того злого человѣка, который самъ ѣстъ хлѣбъ, дѣтямъ же своимъ, несмотря на ихъ просьбу дать имъ хлѣба, даетъ камень.

Вѣдь естественно что-нибудь одно изъ двухъ: или люди эти слишкомъ поспѣшно и неискренно одобрили истинное вѣрованіе, назвавъ себя сочувствующими ему лишь подъ напоромъ новаго общественнаго мнѣнія, чтобы только не показаться отсталыми отъ людей, — тогда понятенъ ихъ шаткій образъ дѣйствій; — или же они искренно сочувствуютъ истинному вѣрованію, и тогда для нихъ немыслимы никакія колебанія, а можетъ быть только одно желаніе — какъ можно скорѣе избавить отъ лжи и себя, и другихъ, а слѣдовательно и дѣтей. Угощать же дѣтей ложью только потому, что они дѣти — это

ужасно. — Естественно, если ребенокъ самъ въ силу своего возраста понимаетъ что-либо ложно, напримѣръ считаетъ, что небо — колпакъ, что земля — плоскій кругъ и т. п. Но вѣдь изъ того, что все это такъ понимаетъ онъ самъ, не слѣдуетъ, что и я долженъ его поощрять въ его заблужденіяхъ; а либо я буду замалчивать эти вопросы, считая ихъ разрѣшеніе пока непосильнымъ для него, что я и дѣлаю, замалчивая вопросы маленькихъ дѣтей о томъ, что такое Богъ, да и то въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ извѣстно, что и возникновеніе-то ихъ вызвано искусственно извнѣ, а не само пробудилось въ ихъ душахъ; либо сталъ бы отвѣчать на всѣ дѣтскіе вопросы правдиво и по возможности понятнѣе для ребенка. А лгать ребенку только потому, что онъ безъ того во лжи — это ужасно! — „Да нельзя же ребенку безъ молитвы,“ — возражаютъ люди, смѣшивающіе молитву съ обрядностью. По моему, молитва, въ ея истинномъ смыслѣ, представляетъ изъ себя не столько выраженіе отношенія человѣка къ Богу, сколько стремленіе возстановить уже нарушенное отношеніе. Поэтому заставлять ребенка „молиться Богу“ значитъ заставлять его возстановлять то, чего онъ и не думалъ нарушать, искать то, чего онъ и не думалъ терять. Живое, врожденное отношеніе ребенка къ Богу, не говоря тутъ о цѣльности и гармоніи его души, сказывается главнымъ образомъ въ его потребности прислушиваться къ авторитету матери и стремиться исполнять ея волю тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе она будетъ соотвѣтствовать его естественнымъ наклонностямъ, ибо непосредственно, при помощи собственнаго неразвившагося интеллекта познавать волю Отца онъ еще не въ силахъ. И какъ не можетъ лошадь узнать волю сидящаго въ экипажѣ хозяина изъ его словъ, а воля эта передается кучеру словесно, кучеромъ же при помощи вожжей лошадямъ, такъ и ребенокъ еще не можетъ непосредственно постигать волю Отца, и посредникомъ между нимъ и Отцемъ должна быть мать. Такъ что то, что открывается взрослому черезъ разумъ и молитву, подъ которою я подразумѣваю просвѣтляющее человѣка чувство его однородности съ Отцомъ, ребенку дается черезъ послушаніе старшимъ и подражаніе ихъ дѣйствіямъ.

Признакомъ того, что въ ребенкѣ отсутствуетъ до извѣстнаго возраста способность познавать волю Отца непосредственно, служитъ: во 1-хъ подражательность, сила которой всегда обратно

пропорціональна разумности. И такъ какъ подражать можно только уже воплощенной идеѣ, а не отвлеченной, то вотъ и причина того, что ребенокъ не можетъ обойтись безъ посредничества старшихъ. Во 2-хъ, незрѣлость разума и потому отсутствіе вѣры въ разумъ. Для ребенка законно и хорошо не то, что разумно, а то, что говоритъ и дѣлаетъ любимый имъ и въ силу любви авторитетный для него человѣкъ. Для него критеріемъ добра и разумности служитъ не самъ разумъ, а авторитетъ любящаго его человѣка. И тогда какъ взрослые провѣряютъ любовь разумомъ, ребенокъ, наоборотъ, провѣряетъ разумъ любовью. Все разумное для него, такъ сказать, „не по хорошу мило, а по милу хорошо.“

Казалось бы, что, понявъ смыслъ дѣтской подражательности, взрослые должны были бы все свое вниманіе обращать на то, чтобы было, чему подражать. На самомъ же дѣлѣ, насуя передъ трудностью задачи — быть самимъ достойнымъ предметомъ подражанія — они создаютъ цѣлый вопросъ объ особой религіи дѣтей, точно такъ же, какъ педагоги создали особый вопросъ о воспитаніи дѣтей. Но какъ вся теорія воспитанія сводится, по справедливому замѣчанію Л. Н. Толстого, къ вопросу о томъ, какъ бы намъ, продолжая быть злыми и дурными, сдѣлать своихъ дѣтей добрыми и хорошими, такъ и вопросъ объ особой дѣтской религіи тоже сводится не къ чему иному, какъ къ тому, чтобы намъ можно было, продолжая ни во что не вѣрить или вѣруя во что-либо завѣдомо ложное, напр. въ матеріальное благополучіе, сдѣлать своихъ дѣтей истинно вѣрующими. Что это такъ, что оба эти вопроса выросли на почвѣ собственнаго нашего ложнаго положенія, можно убѣдиться изъ того, что стоитъ человѣку пережить истинный религіозный кризисъ со всей его радикальной ломкой всего отжившаго и ложнаго, ломкой, необходимо вызываемой потребностью во всемъ живомъ и истинномъ, какъ сами собой отпадутъ всякіе вопросы объ особой религіи или особомъ воспитаніи дѣтей, каковые вопросы имѣютъ единственный смыслъ того оборачиванія, того оглядыванія назадъ, о которомъ сказано не только въ евангеліи, но и въ ветхомъ завѣтѣ. Пріобрѣтеніе неподвижности и мертвенности „соляного столба“ — вотъ удѣлъ всѣхъ, не твердо идущихъ по пути истины, всѣхъ останавливающихся и оборачивающихся вспять.

Изъ того однако, что ребенокъ не связанъ съ Богомъ непосредственной, активной нитью разума и любви къ Нему, не слѣдуетъ, чтобы онъ не былъ съ Нимъ связанъ совсѣмъ. Онъ связанъ съ нимъ до поры до времени пассивно, безсознательно или, скорѣе, сверхсознательно. Онъ еще настолько самъ весь въ Богѣ, что и видѣть Бога очами разума еще не можетъ, ибо для этого надо ему отойти отъ Бога, какъ отошли отъ Него мы.

Существуетъ еще попытка оправданія обрядности, заключающаяся въ отстаиваніи необходимости водить ребенка въ церковь якобы съ цѣлью вложить въ его душу отрадныя воспоминанія прошлаго, чтобы въ тяжелыя минуты жизни, за отсутствіемъ серьезнаго содержанія и смысла жизни въ настоящемъ, ему было бы чѣмъ утѣшиться, вспоминая свое дѣтство.

Люди, прибѣгающіе къ такому оправданію, забываютъ слова Христа, обращенныя къ самарянкѣ (Іоаннъ IV. 13. 14). Вотъ эти слова: „Всякій, пьющій воду сію, возжаждетъ опять: а кто будетъ пить воду, которую я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ; но вода, которую я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную.“ Думаю, что слова эти достаточно ясно показываютъ, почему, вмѣстѣ съ наступленіемъ зрѣлаго возраста, для нашихъ дѣтей наступаютъ и „тяжелыя минуты“ съ ихъ жаждой наполнить свою пустоту хотя бы воспоминаніями прошлаго.

Человѣкъ, не удовлетворенный настоящимъ, по большей части вотъ въ какихъ словахъ утѣшается прошлымъ: „Какъ жаль, что я теперь уже не могу вѣрить въ то, во что я вѣрилъ во времена моего дѣтства.“ И затѣмъ, сдѣлавъ усиліе надъ своей фантазіей, воскрешаетъ въ себѣ не то, что выдавали ему въ дѣтствѣ за религію, — эта религія уже потеряла для него свой смыслъ, — а то прежнее дѣтское свое настроеніе, сопутствовавшее совершавшимся тогда церковнымъ обрядамъ и таинствамъ, возстановить которое за отсутствіемъ утраченнаго объекта можетъ только память. Предоставляю вамъ самимъ судить, сколь естественно это наполненіе настоящаго отжившимъ минувшимъ.

Наша близорукость доходитъ до того, что мы впередъ заботимся о наполненіи будущей пустоты именно тѣмъ, что собственно и производитъ эту пустоту. Не напои мы ребенка

такимъ напиткомъ, который, ложно утоляя мнимую жажду въ данный моментъ, только разожжетъ ее въ будущемъ, а оставь его, какъ говорятъ, „безъ всего“, то вышло бы только то, что ребенокъ, впервые почувствовавъ истинную жажду, самъ бы пошелъ отыскивать себѣ здороваго напитка и нашелъ бы его въ истинной религіи. Но такъ какъ мы поимъ его тогда, когда онъ и пить не хочетъ, и тѣмъ, что не утоляетъ, а лишь еще больше разжигаетъ жажду, т. е. ложной религіей, то выходитъ обратное, а именно, что ребенокъ, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ и впервые почувствовавъ жажду искапія истиннаго смысла жизни, уже впередъ рѣшаетъ, что во всякомъ случаѣ эту жажду удовлетворитъ не религія, а что-нибудь такое, что „посерьезнѣе“ религіи, ибо на вопросъ, что такое религія, уже безъ всякаго колебанія отвѣчаетъ, что религія — это то давно ему знакомое, чему его учили въ дѣтствѣ. Но что же это такое, что посерьезнѣе религіи? А вотъ люди говорятъ, что это знаніе, наука, опытъ и т. д., что только они и могутъ дать истинные отвѣты на все болѣе и болѣе возникающіе въ его головѣ вопросы.

Ну а если и наука и знанія не дадутъ удовлетворенія? Тогда ужъ придется обратиться къ религіи, но не такой, которая могла бы дать удовлетвореніе всѣмъ настоящимъ запросамъ жизни, — „такой религіи нѣтъ“, — а къ воспоминаніямъ о той, которая удовлетворяла въ дѣтствѣ. Но такъ какъ для этого мало возвратиться къ той религіи, а надо еще возвратиться и къ соотвѣтствующему ей возрасту, то вотъ и причина, почему взрослый человѣкъ нашего времени, не находя смысла жизни въ настоящемъ, принужденъ утѣшаться только воспоминаніями прошлаго.

Это въ томъ случаѣ, если съ наступленіемъ зрѣлаго возраста ему не открылась истинная религія. Если же она ему открылась, несмотря на препятствія къ тому со стороны ложной, то роль послѣдней цѣликомъ сведется къ роли тормаза или камня, какъ бы привѣшаннаго на шею утопающаго человѣка, изъ послѣднихъ силъ старающагося выбраться изъ воды.

Если выразить въ двухъ словахъ то, что выходитъ изъ старанія родителей снабдить своихъ дѣтей поэтическими воспоминаніями прошлаго, то окажется, что на случай *возможнаго* ощущенія пустоты въ будущемъ, они снабжаютъ ихъ въ

настоящемъ такой уже *дѣйствительной* затычкой этой пустоты, которая сама же больше всего и причиняетъ эту пустоту: въ случаѣ же отсутствія пустоты, несмотря на всѣ условія къ тому, роль предохранительной затычки смѣняется ролью тормаза.

Такъ что во всякомъ случаѣ неумѣлая заботливость родителей о религіозномъ воспитаніи дѣтей влечетъ за собою огромную отвѣтственность съ ихъ стороны. Представимъ себѣ мать гречанку — язычницу въ переходную эпоху отъ язычества къ христіанству, вкладывающую въ душу своего ребенка сладостныя воспоминанія языческаго культа, окончаніе котораго совпало съ окончаніемъ дѣтства или отрочества даннаго ребенка. Какова будетъ роль воспоминаній, вложенныхъ этой матерью въ душу ребенка? Какова отвѣтственность матери, подсластившей своему дѣтищу ложь и тѣмъ повѣсившей ему камень соблазна на шею?

Но говорятъ: „теперь не переходная эпоха!“ Неправда, всякій моментъ есть переходный моментъ отъ прошлаго къ будущему; и всѣ мы, тормозящіе духовный ростъ молодому поколѣнію, ставимъ себя въ положеніе упомянутой гречанки матери.

Наглядный примѣръ того, какъ вредны искусственно привитыя религіозныя формы, мнѣ показала пятилѣтняя моя дочка. Желая только подготовить ее къ воспріятію понятія Бога, я началъ съ объясненія того, что такое хозяинъ, глава и сказалъ:

— Вотъ если я подарю тебѣ игрушки, чьи онѣ будутъ.

— Мои.

— Стало быть, кто будетъ ихъ хозяинъ?

— Я.

— А если я построю домъ и поселюсь въ немъ вмѣстѣ съ мамой, тобой и твоей сестрицей, то кто будетъ хозяиномъ въ этомъ домѣ?

— Ты.

— А вотъ на этомъ хуторѣ кто хозяинъ или хозяйка?

— Бабушка.

— Хорошо. А какъ ты думаешь, если собрать всѣ хутора, какіе только есть и всѣ города.... и Москву и Петербургъ, — всю землю, все небо, со всѣми звѣздами, съ солнцемъ и мѣсяцемъ, то кто будетъ хозяинъ надъ всѣмъ этимъ?

— Не знаю.

— А какъ же ты думаешь, есть надъ всѣмъ этимъ хозяинъ?

— Должно быть есть.

— Кто же онъ?

— Не знаю. А ты знаешь?

— Знаю.

— Скажи мнѣ, кто онъ?

— Нѣтъ погоди, можетъ быть и ты знаешь. Подумай.

— Нѣтъ, не знаю, скажи мнѣ, папочка!

Я молчу, а она все съ большимъ и большимъ любопытствомъ пристаетъ ко мнѣ, чтобы я ей сказалъ, кто этотъ хозяинъ. Глаза ея горятъ и она готова меня слушать съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ она всегда слушаетъ сказки. Вѣроятно загадочный хозяинъ представляется ей какимъ-нибудь громаднымъ человѣкомъ, живущимъ непремѣнно въ такомъ большомъ домѣ, какого она никогда и не видывала...

Словомъ, фантазія ея все больше и больше разыгрывается и она съ нетерпѣніемъ ждетъ продолженія разсказа. Въ это время я говорю:

— Этотъ хозяинъ — Богъ, — и этимъ краткимъ отвѣтомъ словно обрѣзываю нить ея любознательности.

— А! Богъ... Знаю! — оторвала она послѣднее слово и сразу прекратила разспросы о хозяинѣ. Отчего это?

Да оттого, что она ждала интереснаго повѣствованія о загадочномъ хозяинѣ, управляющемъ небомъ и землею, а ей вмѣсто него преподнесли Бога, того знакомаго и уже наскучившаго ей Бога, который, какъ ей давно извѣстно, виситъ въ углу дѣтской и передъ которымъ съ такимъ томленіемъ выстаиваютъ ея двоюродные братья и сестры, произнося какія-то однообразныя и непонятныя ей слова и при томъ всегда въ такое время, когда или беретъ нетерпѣніе поскорѣе убѣжать въ садъ, или такъ хочется спать послѣ цѣлаго дня игръ и бѣготни.

Такова роль искусственнаго, насажденнаго Бога по отношенію къ пробужденію живого, истиннаго.

Если мы обратимся къ зрѣлому возрасту, то увидимъ то же самое только въ иной формѣ:

Когда, по просьбѣ одного юноши указать ему полезную книгу для чтенія, одинъ пріятель рекомендовалъ ему евангеліе, онъ

засмѣялся и сказалъ, что эту скучную, поповскую книгу онъ читать не будетъ, ибо знаетъ ее наизустъ, такъ какъ она набила ему оскомину еще съ первыхъ классовъ гимназіи. Осердившись на ложнаго Бога, онъ выкидываетъ и истиннаго по пословицѣ: „осердясь на блохъ — и шубу въ печь“. А кто занимается напусканіемъ этихъ блохъ? Мы. Нечего сказать, хорошій пріемъ заставить человѣка надѣть шубу — это напустить въ нее блохъ!

Но какъ же сдѣлать такъ, чтобы съ одной стороны не „осердить“ ребенка, а съ другой все же во время явиться къ нему на помощь при первыхъ проблескахъ его религіознаго самосознанія? Думаю, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ, лучше недосолить, чѣмъ пересолить, лучше дождаться момента, когда въ немъ самостоятельно назрѣютъ вопросы о Богѣ, о жизни, чѣмъ искусственно ихъ ему навязывать. Однимъ словомъ, въ этомъ вопросѣ родителямъ нужно пріучаться по крайней мѣрѣ къ такой же осмотрительности и осторожности, какую они уже выработали въ себѣ въ дѣлѣ питанія.

И какъ въ дѣлѣ питанія важно дать желудку работу по силамъ и аппетиту, причемъ опаснѣе перекормить, чѣмъ недокормить слабый желудокъ, такъ и въ вопросѣ о духовной пищѣ важно сообразоваться со степенью любознательности, пытливости ребенка и такъ же опасно надорвать его еще слабыя дѣтскія силы. Еще простительно было бы для родителей, если бы они были послѣдовательны въ ихъ стремленіи къ перекармливанію. А то вѣдь сплошь да рядомъ видишь, какъ ребенокъ такъ и отойдетъ отъ отца, не добившись отъ него отвѣта на свое „зачѣмъ“ да „почему“; здѣсь же, въ области внѣшнихъ формъ и преданій фигурируетъ „Демьянова уха“.

Но предположимъ, что мы какъ разъ во время уловили въ ребенкѣ первые проблески его религіознаго сознанія, такъ что не рискуемъ ни оставить его безъ духовной пищи, ни „осердить Демьяновой ухой“. Спрашивается, что и какъ можно сказать ребенку о Богѣ? Думаю, что общаго отвѣта для всѣхъ людей дать нельзя, такъ какъ свойство отвѣта строго обусловливается и возрастомъ ребенка и міросозерцаніемъ родителей или воспитателей. Сказать же, что̀ приблизительно я сталъ бы говорить по этому вопросу своему ребенку, я могу:

Предполагаю, что мой ребенокъ самъ обратился ко мнѣ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ религіознаго характера и началъ съ вопроса: *что такое или кто такой Богъ?* Тогда я отвѣтилъ бы ему, что Богъ — хозяинъ вселенной, объяснивъ предварительно, что такое вселенная и представивъ по возможности картину ея необъятности. На вопросъ: *гдѣ Онъ?* — можно отвѣтить, что Онъ такъ великъ, какъ небо и что, какъ небо можно видѣть вездѣ, такъ и Бога можно чувствовать вездѣ. На вопросъ: *какой Онъ?* — можно сказать, что Онъ очень, очень добрый и такъ любитъ и жалѣетъ всѣхъ людей, какъ мама любитъ его и его братьевъ и сестеръ. На вопросъ: *почему Онъ не показывается или почему Его не видно?* можно отвѣчать, что Онъ не хочетъ, чтобы Его видѣли глазами, а хочетъ, чтобы о Немъ думали, чтобы старались Ему угодить. И если мы будемъ объ этомъ заботиться, то непремѣнно почувствуемъ, какія наши дѣла пріятны Ему, и какія не пріятны. Когда, напр., мы кого-нибудь пожалѣемъ, полюбимъ, то сейчасъ же почувствуемъ, что и Богъ насъ полюбилъ, и вдругъ намъ отъ этого сдѣлается такъ легко, пріятно. А когда мы, напр., кого нибудь обидимъ, обманемъ, на кого-нибудь разсердимся, то сойчасъ же почувствуемъ, что мы огорчили Бога, сдѣлали Ему непріятное, и вдругъ намъ отъ этого сдѣлается такъ совѣстно передъ Богомъ и передъ всѣми, что даже захочется спрятаться отъ всѣхъ, даже отъ Бога.

Но такъ какъ отъ Бога нельзя спрятаться, потому что Онъ вездѣ насъ видитъ даже ночью, и не только видитъ, но даже знаетъ, что мы думаемъ, такъ что обмануть Его никакъ нельзя, то значитъ не о томъ надо стараться, чтобы Его обманывать или отъ Него прятаться, а о томъ, чтобы угождать Ему. А Ему непріятно не только тогда, когда мы Его обманываемъ, но и тогда, когда обманываемъ людей. А главное Ему хочется, чтобы мы всѣхъ, всѣхъ любили, даже собачекъ, коровокъ, лошадокъ, птичекъ, мушекъ, а не только людей; потому что если ужъ мы полюбимъ ихъ, то навѣрное не захотимъ имъ дѣлать ничего непріятнаго, а значитъ не будемъ ихъ ни дразнить, ни мучить, ни бить, ни убивать...

Вотъ приблизительно вкратцѣ тѣ отвѣты, которые мы можемъ давать дѣтямъ на ихъ первые вопросы, *что такое Богъ.* Очень важно, чтобы понятіе о Богѣ было какъ можно

тѣснѣе связано съ понятіемъ о добрѣ и любви. Важно также чтобы бесѣды о Богѣ не были навязываемы дѣтямъ, чтобы онѣ возникали по собственному желанію дѣтей. До извѣстнаго возраста онѣ такъ же неумѣстны для ребенка, какъ неумѣстны для него разсужденія о питаніи, о законахъ равновѣсія, о чемъ уже было сказано выше.

Мнѣ остается еще указать вамъ, гдѣ, по моему мнѣнію, кроется причина нападокъ на людей однихъ со мною убѣжденій за ихъ порицаніе обрядоваго православія. Эти нападки, по моему, вызваны тѣмъ, что у людей, плохо вникавшихъ въ нашъ образъ мыслей, существуетъ предвзятое мнѣніе на счетъ того, что, разъ мы не признаемъ ихъ Бога, то значитъ мы не признаемъ никакого Бога, что мы атеисты; ибо, какъ атеисты отрицаютъ обрядность, такъ и мы.

Несправедливость этого обвиненія видна уже изъ того, что тогда какъ православнымъ мы кажемся атеистами, атеистамъ мы кажемся православными. Первые считаютъ насъ атеистами, потому что мы вмѣстѣ съ атеистами отрицаемъ обрядность; вторые называютъ насъ православными, потому что мы вмѣстѣ съ ними признаемъ Бога. А все оттого, что каждая крайность, разсматривая крайность ей противоположную, встрѣчаетъ насъ на пути къ ней, ибо и на самомъ дѣлѣ мы находимся посрединѣ между ними. Но такъ какъ каждый изъ полюсовъ видитъ лишь разстояніе, отдѣляющее насъ отъ него, а не видитъ разстоянія, находящагося между нами и противоположнымъ полюсомъ, то вотъ и причина, почему въ глазахъ каждаго изъ нихъ мы сливаемся съ противоположнымъ полюсомъ, т. е. въ глазахъ атеистовъ отождествляемся съ православными, а въ глазахъ православныхъ сливаемся съ атеистами.

Въ виду этихъ недоразумѣній мнѣ нельзя не объяснить каждому изъ ложно понимающихъ насъ людей, что главная цѣль нашего отрицанія обрядностей, какъ вообще, такъ въ особенности для дѣтей, сводится не къ тому, чтобы не признавать существованія Бога, а наоборотъ къ тому, чтобы утверждать вѣру въ Него, возвеличивать Его. А такъ какъ ничто такъ не заглушаетъ вѣру въ Него, какъ обрядность, которая какъ червь подтачиваетъ самое зерно вѣры, зерно, самимъ Богомъ насаждаемое въ благодарнѣйшую почву дѣтства, то вотъ и причина,

почему мы такъ нападаемъ на обрядность, искусственно и грубо навязываемую дѣтямъ.

Считаю умѣстнымъ привести здѣсь мнѣніе Артура Шопенгауэра („Міръ какъ воля и представленіе“, т. II переводъ Н. М. Соколова, стр. 195 изд. 1893 г.) о духовенствѣ: „Никогда не было недостатка въ охотникахъ строить свое личное благосостояніе на метафизической (религіозной) потребности людей и эксплуатировать ее до послѣднихъ границъ возможнаго; у всѣхъ народовъ есть монополисты и генеральные откупщики этой потребности — жрецы. Ихъ доходы повсюду были гарантированы собственно тѣмъ, что имъ было предоставлено право навязывать свои метафизическія догмы людямъ слишкомъ рано, когда способность личнаго сужденія не успѣла еще выйти изъ своихъ предразсвѣтныхъ сумерокъ, — т. е. въ первые годы дѣтства. Каждый хорошо вбитый въ голову взглядъ, какъ бы онъ ни былъ безсмысленъ, присасывается къ мышленію разъ навсегда. Если бы приходилось ждать, пока созрѣетъ въ юношѣ способность личнаго сужденія, эти монополисты скоро должны были бы утратить свои привилегіи.“

Далѣе Шопенгауэръ, высказывая подобныя же мысли о жрецахъ философіи, о профессорахъ, говоритъ:

„Надо замѣтить, что тѣ, кто живетъ *отъ* философіи, живутъ совсѣмъ не *для* нея.“ Я думаю, что то же самое можно сказать и о тѣхъ, кто живетъ *отъ религіи.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Письмо къ прокурору.	3
Письмо къ священнику Г. Петрову по поводу его книги: „Евангеліе какъ основа жизни“.	16
Письмо къ молоканину о вредѣ слѣпого почитанія авторитета библіи	34
Письмо къ учителю реальнаго училища.	49
По вопросу о религіозномъ воспитаніи дѣтей. Письмо къ N. N.	59

ОПЕЧАТКИ:

стр.	строка.	*напечатано*:	*слѣдуетъ читать*:
40	1 — 2	„по самимъ себѣ судили, чему быть надлежитъ“	по самимъ себѣ судили, чему быть надлежитъ
41	7	„не буду просить Отца о васъ,	„не говорю вамъ, что я буду просить Отца о васъ:
42	19 — 20	„небо и земля прейдутъ, но слова мои не прейдутъ, пока не будутъ исполнены	„небо и земля прейдутъ, но слова мои не прейдутъ,“ пока не будутъ исполнены
46	12 — 13	какъ и что сказать;	какъ или что сказать

ИЗДАНІЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

№		Р.	К.
1.	Напрасная Жестокость. *В. Черткова.*	—	20
2.	Голосъ Древней Церкви. *И. Трегубова.* (Распрод.)	—	12
3.	Помогите! Обращеніе къ обществу. *И. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.*	—	12
4.	Положеніе духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г. *П. Бирюкова и В. Черткова.*	—	20
5.	Письма Петра Васильевича Ольховика.	—	30
6.	Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? *Л. Н. Толстого.* (2-ое изданіе.)	—	12
7.	Приближеніе Конца. *Л. Н. Толстого.*	—	12
8.	Объ отношеніи къ государству. (2-ое изданіе.) (3 письма: къ либераламъ и друг.) *Л. Н. Толстого.*	—	20
9.	Царство Божіе внутри васъ. (2-ое изд.) *Его же.*	1	—
	То же, съ портретомъ автора (1902 г.)	1	50
10.	Христіанское ученіе. (2-ое изданіе.) *Его же.*	—	50
11.	Гдѣ братъ твой? *В. Черткова.* (Распродано)	—	20
12.	Голодъ или не голодъ? *Л. Н. Толстого.*	—	10
13.	Мой отказъ отъ военной службы. *А. Шкарвана.*	—	60
14.	Свободное Слово, № 1. (Распродано)	1	—
15.	Листки Свободнаго Слова, № 1. Повременное изданіе подъ редакціей *В. Черткова.* (Распродано).	—	20
16.	Листки Свободнаго Слова, № 2. (Распродано)	—	20
17.	Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Составилъ *Е. Поповъ*, съ послѣсловіемъ *Л. Н. Толстого.*	—	60
18.	Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоитъ. *Л. Н. Толстого.*	—	20
19.	Свободное Слово, № 2.	1	—
20.	Листки Свободнаго Слова, № 3.	—	40
21.	Воскресеніе. Романъ *Л. Н. Толстого.*		
	Четвертое изданіе. Съ иллюстраціями. Въ переплетѣ.	5	—
	Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ.	1	50

22. Листки Свободнаго Слова, № 4. „Стыдно". *Л. Н. Толстого.* — 5
23. Листки Свободнаго Слова, № 5. Письмо къ фельдфебелю. *Л. Н. Толстого.* — 5
24. Листки Свободнаго Слова, № 6. О манифестаціяхъ въ пользу мира. — 15
25. Листки Свободнаго Слова, № 7. Мысли Герцена. — 5
26. Листки Свободнаго Слова, № 8. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
27. Листки Свободнаго Слова № 9. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
28. О сожженіи оружія. Разсказъ *Н. Зибарова.* — 20
29. Студенческое движеніе 1899 г. Сборникъ подъ редакціей *А.* и *В. Чертковыхъ.* (2-ое изданіе.) — 30
30. Листки Свободнаго Слова, № 10. По поводу студенческаго движенія. *В. Черткова.* (Распродано) — 10
31. Листки Свободнаго Слова, № 11. Левъ Николаевичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній. (Экзекуція. Въ казематѣ, и др.) — 10
32. Листки Свободнаго Слова, № 12. Два письма Л. Н. Толстого. (О религіозномъ воспитаніи и церковномъ обманѣ). — 10
33. Листки Свободнаго Слова, № 13. Правительственныя насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе безпорядки въ маѣ 1899 года. — 30
34. Жизнь и ученіе Іисуса. *Л. Н. Толстого.* — 25
35. Финляндскій разгромъ. Сборникъ подъ редакціей *В. Черткова.* — 75
36. Листки Свободнаго Слова, № 14. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 30
37. Листки Свободнаго Слова, № 15. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 30
38. Листки Свободнаго Слова, № 16. Патріотизмъ и правительство. *Л. Н. Толстого.* — 30
39. 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки *Л. А. Волкенштейнъ.* — 40
40. Мысли о Богѣ. *Л. Н. Толстого.* — 30
41. Практическій учебникъ англійскаго языка, примѣненный для русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ. — 60
42. Листки Свободнаго Слова, № 17. „Не убій". *Л.Н.Толстого.* По поводу убійства короля Гумберта. — 10
43. Рабство нашего времени. *Л. Н. Толстого.* 2ое изд. — 50
44. Листки Свободнаго Слова, № 18. Гдѣ выходъ?. *Л. Н. Толстого* и выдержки изъ его писемъ за 1900 г. — 15
45. Неужели это такъ надо? *Л. Н. Толстого.* — 30
46. Списокъ матеріала о духоборахъ. Составилъ *В. Бончъ-Бруевичъ.* (Разошлось.)
47. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго

сектантства. Выпускъ 1-ый. Письма П. В. Веригина. Подъ редакціей *В. Бонч-Бруевича.* 1 —

48. Теодоръ Паркеръ. О вопросахъ религіи и біографія автора. Переводъ съ англійскаго. — 40

49. Похищеніе дѣтей Хилковыхъ. По матеріаламъ, собраннымъ *В. Чертковымъ.* — 50

50. Отчетъ издательства „Свободное Слово" за 1897 — 1900 гг. (Разошлось.)

51. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 2-ой. (Двѣ духоборческія рукописи). — 30

52. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 3-ій. Разсказъ духоборца Васи Позднякова. — 40

53. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 4-ый. Духоборцы въ дисциплинарномъ батальонѣ. — 50

54. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 5-ый. Духоборцы въ тюрьмахъ. (Печатается).

55. Листки Свободнаго Слова, № 19. — 25

56. О смыслѣ жизни. Мысли *Л. Н. Толстого.* — 40

57. Листки Свободнаго Слова, № 20. Царю и его помощникамъ. Обращеніе *Л. Н. Толстого.* — 15

58. Листки Свободнаго Слова, № 21. — 40

59. Листки Свободнаго Слова, № 22. Отвѣтъ Синоду Льва Николаевича Толстого. — 15

60. Листки Свободнаго Слова, № 23. — 40

61. Изложеніе Евангелія. Съ примѣчаніями, взятыми изъ книги „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій". *Л. Н. Толстого.* 1 50

62. О половомъ вопросѣ. Мысли *Л. Н. Толстого.* — 50

63. Унитаріанское христіанство. Переводъ съ англійскаго. — 25

64. О вѣчномъ и преходящемъ въ религіи. Переводъ съ англійскаго. — 25

65. Альбомъ художественныхъ иллюстрацій Л. О. Пастернака къ роману Л. Н. Толстого „Воскресеніе". 1 50

66. Листки Свободнаго Слова, № 24. Единственное средство. *Л. Н. Толстого.* — 30

67. Каталогъ изданій „Свободнаго Слова". Съ содержаніемъ. (Разсылается безплатно).

68. Отчетъ издательства „Свободное Слово" за 1901 годъ. (Разсылается безплатно).

69. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 6-ой. Преслѣдованіе баптистовъ. — 75

70. Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, запрещенныхъ русской цензурой.
Томъ I. Вступленіе къ Критикѣ Догматическаго Богословія. (Исповѣдь). — 75
Томъ VII. „Въ чемъ моя вѣра?“ 1 50
Томъ VIII. „Такъ что-жъ намъ дѣлать?“ 2 —
71. О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Три письма *Л. Н. Толстого.* — 25
72. О вѣротерпимости. *Л. Н. Толстого* — 15
73. Солдатская памятка. *Его же.* — 15
74. Офицерская памятка. *Его же.* — 15
75. Что̀ такое религія и въ чемъ сущность ея? *Его же.* — 60
76. Листки Свободнаго Слова № 25 — 05
77. Мысли о воспитаніи и обученіи. *Л. Н. Толстого.* — 30
78. Къ рабочаму народу. *Его же.* — 50
79. Іисусъ: Богъ или Сынъ Божій? *Пэджъ-Гопсъ.* — 25
80. Противъ войны. Двѣ статьи *Л. Н. Толстого.* — 30
81. Возстановленіе ада (Легенда) и Обращеніе къ духовенству. *Л. Н. Толстого.* — 40
„Свободное Слово“. Періодическое обозрѣніе. Вышли 4 номера. Цѣна каждаго номера — 40

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
общественных Наук
Академии Наук СССР